

ГОЛОС ТОЛСТОГО

№ 6 (12)

ЕДИНЕНИЕ

ГОД — III
ИЗДАНИЯ III

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ОБНОВЛЕНИЮ ЖИЗНИ ПРИ СВЕТЕ РАЗУМА И ЛЮБВИ.
Под редакцией В. Г. Черткова.

Адрес: Москва, Тверская, Благовещенский пер., д. 5. Издательство «Свобода», в Контору (или Редакцию) «Вперед».

Кумир власти.

Крепость с казармами, над которыми высится сверкая голая мушкетерская шляпа или государственная власть. В одно очко запуганный народ вносит казенные повинности, — плоды своего труда. Стражники направляют улактавших и другому очку для получения расписки. Там их встречает огонь из орудий, созданных их же собственными трудами...

Чуждому государственному насилию сверкает не в одной только Германии (где рисунок этот позанимал лет 15 тому назад). Повсюду люди преклоняются перед кумиром власти, — кто из страха, кто ради выгоды, кто из суеверия, воображая, что это необходимо для человеческого блага. И какими бы наименованиями ни отличались различные правительства, называются ли они монархическими, конституционными или социалистическими, в одном они все одинаковы — в том, что всякая насильственная государственная власть всегда и везде слепит нашу волю и разражает нашу душу.

Изображенная на рисунке проваза труда умерщвления и истощения человеческого тела все растет и растет. Но еще ужаснее то, что налечата не только тела, но и души людей. Молодые поколения подрастают и вступают в жизнь с сознанием, изуродованным государственным воспитанием и духе, служенном всё той же насильственной власти, — в духе ненависти и мести, — либо во имя капитализма, патриотизма и церкви, либо во имя социализма,

классовой вражды и материализма. Названия различные, но то же властвование одних и порабощенность других, то же угнетение человека человеком.

Когда же, наконец, прекратится это ужасное дело?

Будущее знать нам не дано. Но признаки приближения освобождения русского народа из-под гнета государственного суеверия — уже налицо и растут не по дням, а по часам. Среди народных масс здравый смысл все больше и больше начинает брать верх над слепым повиновением, и архаичный гипотез насильственной власти, ныне величайший государственный социализм, — увеличивается с поразительной быстротой. Вместе с тем неизменно увеличивается у нас в России и количество тех отдельных единиц, которые, среди дикого разгула разнузданных страстей и оглушительной трескотни политической жизни, начинают прислушиваться к «тихому голосу» в тайнике своей души и стараются им руководиться.

Мы счастливы тем, что живем в такое время, когда перед старым кумиром власти оба эти голоса — общенародного и отдельного человеческого сознания — уже звучат определенно и настойчиво. Лишь бы нам самим, каказулу из нас, суметь не заткнуть своим духом владычество Солнца.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Кумир власти. Картина с текстом.

Голос Толстого: Новые основы жизни.

Единение: *Н. Гусев*. За кого был бы Толстой? — *Н. Гусев*. Человек. — *П. Власовский*. О смертной казни. — Против смертной казни. — *Н. Гусев и В. Чертков*. По поводу вскрытия мощей. — *И. Мадзини*. Религия и революция. — *А. Аполлов*. Мара (Легенда). — *К. П.* Не певаність, а единение (Письмо из провинции). — Обмен мыслей: из писем разных лиц. — 1. *Хроника*: — *С. Д.* Культурно-просветительный кружок в деревне. — 2. Резолюция анархистов. — 3. *В. и А. Чертковы*. Рецидив жизни. — 4. *Мирский*. Толстой и война. — Голос Пророка. — *А. Барыкова*. „Стадо“. Стихотворение. — Отказы от военной службы по религиозным убеждениям в Советской России. — В Совет Народных Комиссаров (Заявление). — Декрет.

От Издательства.

В виду особенно неблагоприятных условий, мешающих правильному выходу нашего журнала, Издательство не может принимать подписки ни на какие сроки, а предлагает желающим получать номера по мере выхода их, присылать вперед некоторую сумму по нижеуказанному адресу и пополнять эту сумму по мере израсходования ее за высланные уже номера согласно стоимости номера, определять которую в точности вперед также затруднительно, вследствие постоянно повышающейся дороговизны

на печатный труд и бумагу. Приблизительно предполагаемая стоимость номера в 16—24 страницы 2 р.—2 р. 50 к.

Кроме того, на складе Издательства имеются номера журнала за прошлые года:

6 номеров за 1917 г. стоимостью все вместе 3 р. 15 к.
5 » » 1918 г. » » » 4 р. 90 к.

Адрес Конторы и Редакции «Голос Толстого и Единение»: Книгоиздательство «Свобода», Тверская, Власьевский пер., д. 9, Москва.

Голос Толстого.

Новые основы жизни.

Христианское учение так изменило идеал людей, что, как сказано в Евангелии, то, что было велико перед людьми, стало мерзостью перед Богом. Исцелом стало не величие фараона и римского императора, не красота греха или богатства Финикии, а смирение, целомудрие, сострадание и любовь.

Героем стал не богач, а нищий Лазарь; Мария Египетская не во время своей красоты, а во время своего покаяния; но приобретатели богатства, а те, которые отказываются от него; жилище не в палатах, а в катакомбах и джунглях.

(Круп. чтения 14 окт.; 1906).

Среди римского языческого мира, с его основой верой в свои греческие и всякие другие божества, с его основной верой в божественность Рима и его Кесаря, и среди еврейского мира, с его сотнями внешних заповедей и своим Богом, страшным хозяином и повелителем одного еврейского народа,—явился, поговору Христос, который проповедывал то-то и то-то, а явилось, что есть несомненный исторический факт, новое, страшное учение, которое говорило: исполнилось время, и приблизилось Царство Божие. Покайтесь и веруйте в Евангелие.

Веруйте в новые основы жизни, которые дадут вам благо вместо тех страданий и отчуждения, среди которых вы живете теперь. Основы жизни, которыми вы живете теперь, нажиты. Жить так, той животной жизнью, которой вы живете, нуда наслаждений личным, отделившись от людей братьев и насильем покоряя их себе,—так жить больше нельзя. Чем дальше вы будете жить так, тем хуже будет вам. Надо оставить прежние основы, показаться, наметить взгляд на жизнь и принять те новые основы, которые и приношу вам и которые устанавливаю царство Божие. Основы эти: сознание своей синольности Богу и потому братства с людьми, единства и с Богом и с людьми братьями. Из этого сознания вытекает совсем другая, противоположная прежней, жизнь. Вместо прежнего стремления к личным наслаждениям—стремление к освобождению себя от их власти; вместо разделения себя с людьми—стремление к единению с ними.

(Из черновиков „Царства Божия“, 1890—93).

Христианская истина, прежде возмущавшая только высоким подъемом пророческого чувства, теперь являлась, вследствие бедствий, к которым привело отступление от нее, и вследствие своего уяснения,—истинно самой доступной каждому, самому простому человеку.

Ты живешь в бедствиях, и бедствия эти происходят от того, что ты оставляешь свое благо и благо семьи, государства; ты делаешь зло другим людям, и другие люди делают зло тебе. Для избавления от этого зла тебе надо перестать считать свою жизнь принадлежащей тебе, или семье, или государству, а понять, что жизнь твоя принадлежит Тому, от кого она произошла. И потому перестать повиноваться закону твоей личности, или твоей семьи, или государства, а повиноваться только закону Того, кто послал тебя в жизнь. Закон твоей личности и твоей семьи и государства требует от тебя разделения с людьми, борьбы и насилья, и от этого разделения с людьми, борьбы и насилья происходит то зло, от которого

ты страдаешь. Закон Того, кто послал тебя в жизнь, написанный в твоём сердце и открытый тебе Христом, требует от тебя единения, любви и самоотречения и от исполнения этого закона уничтожается то зло, от которого ты страдаешь. Это сознание спасает и каждого отдельного человека и все человечество от всех бедствий, которые удерживают его. К этому сознанию до такой степени подготовлено событиями мира все человечество, что всякую минуту оно, как тлеющий под сухими ветками огонь, может вспыхнуть ярким пламенем и никогда уже не потушится. «И как я томился, пока огонь возгорится», сказал Христос.

(Из черновиков „Царства Божия“, 1890—93).

Основные истины христианские: синонность Богу и потому братства, равенства людей и стремления их и единения в любви.—истины, спасающие людей от удручающих их бедствий, стали такими очевидными, всем известными, всеми признаваемыми истинами, что людям нельзя не обратиться к ним и не искать в них спасения. Пророчество совершилось, и все люди, даже самые убогие, менее всего религиозные, видят, и уж не в одном своем представлении, но в действительности, что они погибают на том пути, по которому они шли и на котором Христос предостерегал их погибать, и спасутся только на том, на который он признавал их, обещая им благо.

Одумайтесь и веруйте Евангелию, иначе все погибнет, говорил Христос 1900 лет тому назад. То же самое говорит он и теперь; но только с той разницей, что тогда пророчество еще не сбылось, а теперь оно сбылось, и люди стоят уже на краю гибели.

(Из черновиков „Царства Божия“, 1890—93).

1800 лет тому назад открыт людям Иисусом Христом новый закон. Учением своим и жизнью и смертью своей Иисус Христос показал людям, что должно и чего не должно делать тому, кто хочет быть учеником его—христианином.

Не только не должно убивать, но не должно гнаться на брата своего. Не должно презирать ни одного человека. Матф. V, 21, 22.

Не должно разлучаться с женою и соблазняться на других женщин. Мф. V, 27—32.

Не должно клясться. Мф. V, 33—37.

Не должно противиться злему, а отдавать то, что он хочет взять у тебя. Мф. V, 38—42.

Не должно ненавидеть врагов, делать им зло, а должно любить их и благотворить им. Мф. V, 43—48.

Не должно собирать сокровища на земле, а должно собирать только сокровища небесные. Мф. VI, 20.

Не должно отказывать прощению, а должно отдавать иному своему погубителю. Лук. VI, 30.

Не должно творить милостыни, молиться и поститься среди народа, а должно делать это в тайне. Мф. VI, 5—8.

Не должно называть никого на земле ни учителем, ни отцом, ни наставником, а только одного Христа. Мф. XXIII, 8—10.

Не должно возмываться и считать большим того, кто богат, сильнее, а должно считать большим того, кто слуга. Лк. XXII, 25, 26; Мф. XXIII, 11, 12.

Не должно бояться тех, которые имеют власть убивать тело, а должно бояться того, кто может погубить душу. Мф. X, 28.

Должно во всем так поступать с людьми, как им самим, чтобы поступали с вами. Мф. VII, 12.

По учению Христа, силы Отца свободны, ибо они познают истину, а истина освобождает их. Ин. VIII, 32; Мф. XVII, 26.

(Приложение к „Исааком Пилатом“, 1885).

Учение Христа всегда было противно учению мира. По учению мира, власти управляют народами и, чтобы управлять ими, заставляют одних людей убивать, казнить, наказывать других людей, заставляют их кланяться в том, что они во всем будут исполнять волю начальствующих. По учению же Христа, ни один человек не может не только убивать, но навязывать другому, даже силой сопротивляться ему, но может делать зла не только близким, но даже врагам своим. Учение мира и учение Христа были и всегда будут противны друг другу. И Христос знал это и говорил своим ученикам и предсказывал им, что, как он сам пострадает, так и их за то же будут предавать на мучения и убивать, и что мир будет их ненавидеть, как он ненавидел его; потому что они будут не слугами мира, а слугами Отца.

И все сбылось так, как предсказывал Иисус. Мир возненавидел и погубил его.

(Приложение к „Николаю Палкину“. 1895).

Чем больше распространялись столь родные человеческой душе истины христианские, тем противоречивее и невозможнее представлялись людям христианские казни, христианские инквизиции, христианские войны, христианские богатства, христианское насилие.

Противоречие это шло все дальше и дальше. С одной стороны, потому, что власть, соединившись с церковью, поддерживал внешнее, неподвижное понимание учения, не проливались писанию и, освободясь от всяких ограничений, становилась все жесточе и жесточе; с другой стороны, потому, что христианское мирозерцание, отрицающее всякое насилие, все более и более распространялось, входило в сознание людей и проникало во все стороны человеческой жизни.

Противоречие это росло и росло. И вот теперь дошло до того, что людям нет другого спасения от бедственности жизни, как самоубийственно или условно того христианского учения, которое теперь в самой простой, достигнутой всем формою со всех сторон привлекает к себе людей.

(Из черновиков „Царства Божия“. 1890—93).

Учение это, по моему мнению, все в том, как это и сказано в Евангелии Матфея (XXII, 37-39) и Марка (XII, 29-31), чтобы люди любили Бога и ближнего. Любить Бога значить, по моему суждению, по допускать в свою душу, в которой живет Бог, ничего греховного, противного Богу, как-то: корысти, тщеславия, гордости, ненависти, похоти, обиды, зависти, злобности, осуждения... В этом любовь к Богу. Любить же ближнего значит почитать и любить одинаково каждого человека, какой бы он ни был—русский, японец, китаец или европеец, богат или нищий, царь или папич, а постараться сделать для каждого человека, с которым сходишься, то, что себе желаешь.

(Из писем 1909 г.).

Евангелие... дано..., чтобы по нем жить и переделать весь мир так, чтобы вместо войны, тирании, воевания, между людьми была бы одна любовь и радостное служение друг другу. А для того, чтобы так переделать мир, нужно переделывать себя и делать себя таким, чтобы не только не участвовать в войнах, тираниях, воеваниях, но и не пугаться в их защите, а быть всякую минуту готовым умереть, свидетельствуя истину Христову.

(Из писем 1895 г.).

Маркские люди, найдя наилучшую форму жизни, должны согласиться все вместе одновременно начать действовать, чтобы не пропадали даром усилия тех, ко-

торые начнут одиноко. Христовая жизнь не может дождаться. Он всегда действует независимо от того, что делают другие, знает, что стремление к совершенству есть сама сущность его жизни, и вместе с тем знает, что усилие его никогда не пропадет, потому что только из последовательности этих усилий и складется Царство Божие.

(Из черновиков „Царства Божия“. 1890—93).

Не нужно нам вникать в книги Ветхого Завета, книги Давида и т. п. Там все второстепенно и лишнее. У Христа же все просто и понятно. Постарайтесь исполнять все то, что сказано в Нагорной проповеди (5, 6, 7 главы Матф.). И больше нам ничего не нужно.

(Из писем 1907 г.).

Единение.

За кого был бы Толстой?

Во время Русско-Японской войны одна большая американская газета прислала Льву Николаевичу телеграмму с вопросом: «за кого он: за Россию или за Японию?» Лев Николаевич послал на эту телеграмму следующий ответ: «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый и вынужденный правительствами воевать против совести, религии и собственного благосостояния».

Если бы Толстой был жив в наше время, и его спросили бы, за кого он: за большевиков или белогвардейцев, он бы, я думаю, ответил: «Я ни за большевиков, ни за белогвардейцев, ни за союзников, а за несчастный русский народ, обманутый и принуждаемый бороться за власть группами людей, называющих себя членами различных политических партий и различных наций, проливать свою и чужую кровь вопреки предвещаниям своей религии, требующим адрового смысла и собственному благосостоянию».

Так, вероятно, сказал бы Толстой, и это была бы правда. Русский народ, настоящий русский многомиллионный земледельческий и рабочий народ, живущий тяжелой трудовой жизнью, не желает повзвать за какое бы то ни было государственное устройство и за торжество какой бы то ни было политической партии. Будет ли власть в руках большевиков, или социалистов других наименований, или кадетов, или какой-нибудь еще политической партии, уже существующей или таковой, которая повзвнет завтра, народ по своей охоте не стал бы сражаться ни за одну из этих партий. Кто будет управлять, это для народа решительно все равно, лишь бы только помещьяне имевшаясь в его жизни и не мешали бы ему жить так, как он этого хочет и как ему нужно. Народ желает только одного: чтобы у него не забирали сил и создали в как можно меньше отбрани предвещаний его труда. И если бы народу было предоставлено выбирать между различными правительствами, то он, несомненно, высказался бы за то правительство, которое делало бы наименьшее насилия над его жизнью. А к какой партии или фракции принадлежало бы это правительство, это для народа совершенно все равно.

Н. Гусев.

Человек.

Для членов политических партий, борющихся между собою из-за власти над трудящимися, самое пустое, ничего не обозначающее слово есть слово «человек». Что означают понятия: коша, собака, журавль, щука, в этом политиком все согласны, и это для них совершенно ясно и бесспорно; но что существует также понятие о человеке, как существе, наделенном высшими, общими всем людям свойствами разума и любви, этой несомненной основой политики не понимают.

Человека для них не существует, а есть буржуа и контр-революционеры—с одной стороны, пролетарии и революционеры—с другой. И это две совершенно различные породы существ, между которыми нет ничего общего. По мнению одних, буржуа и контр-революционеры это—чужовица, в которых не только не может быть ничего хорошего, но от которых исходит все зло мира. Другие говорят это же самое про революционеров и социалстов.

Неизбежным следствием такого отношения друг к другу борющихся партий является беспощадное взаимное истребление. В борьбе с такими исчадиями ада, какими каждая из сторон считает своих противников, допустимы все средства насилья, и самым верным средством борьбы считается убийство. Чем жесточе будет эта борьба, тем лучше: тем скорее будут истреблены те, кто мешает «нам» (так говорит каждая из борющихся партий) ввести наилучшее общественное устройство.

Не такому отношению к человеку учат нас и своей жизнью, и своими наставлениями величайшие учителя мудрости и любви всех времен и народов.

Замечательный американский мыслитель Вильям Чаннинг, когда его спросили о том, в чем он видит главную сущность характера Христа, отвечал так:

«Главную сущность характера Христа я вижу в его уверенности в величии человеческой души. Он видел в человеке отражение и образ божества и потому любил человека, кто бы он ни был, какие бы ни были условия его жизни и характера. Иисус смотрел на людей взором, производящим материальную оболочку; тело исчезало перед ним. Он смотрел свыше владыки богатого и диком, ничто в душу человека, и там, среди мрака невежества и пагуб греха, он находил духовную, бессмертную природу и зачатки силы и совершенства, которые могут развиваться бесконечно. В самом низу падшем, развращенном человеке он видел существо, которое могло бы превратиться в ангела света».

Так же в наши дни относился к людям верный носитель духа Христова, Лев Толстой.

Летом 1908 года он написал статью «Не могу молчать», в которой выразил свой ужас и негодование по поводу казни русским правительством революционеров и контр-революционеров. Поводом к написанию этой статьи послужило прочитанное Львом Николаевичем в газетах сообщение о том, что в Херсоне повешены 20 крестьян за разгром помещичьей усадьбы. Это известие произвело на него ужасное впечатление, и он все утро того дня, как прочитал это, был в подавленном, удрученном состоянии. В тот же день он продиктовал следующее начало своей статьи:

«Нет, это невозможно! Нельзя так жить! Нельзя так жить! Нельзя и молчать. Каждый день столько смертных приговоров, столько казней; нищие 5, завтра 7. Нищие двадцать, мушкетер повешено, двадцать смертей... А в Дуле продолжают разговоры о Филиппии, о присяге королей, и всем кажется, что это так и должно быть».

Так заставляла Лева Николаевича страдать убийства самодержавным правительством свои прагмы. Но не менее страдал он и от убийств революционерами правительственных лиц. Летом 1905 Яной Подяны Д. И. Марковичей такими словами описывает впечатление, произведенное на Лева Николаевича убийством великого князя Сергея Александровича в феврале 1905 г.:

«Лев Николаевич был потрясен этим известием. Оно заставило его прямо физически страдать. Млад у него было усталое, расстроенное, глаза блеснули, как в лихорадке, и казались глубоко впавшими. Наверное никого в России известно об этом убийстве так же потрясло, как Лева Николаевича.—«Ужасная вещь!»—воскликнул он.

Толстому, как великому мудрецу, одинаково ужасно было как считавшееся законным убийство неподобающих, через силу работающих, живших в лучах преступия, громивших усадьбу помещика, так и считавшееся преступным убийство праздного и пресыщенного, жившего в роскошных палатах парского дяди. Это оттого, что для него действительно все люди были равны, и в каждом человеке он видел человека, независимо от того внешнего положения, которое он занимал.

И только такое отношение ко всем людям, как равным друг другу братьям, может установить на земле Царство Правды.

Н. Гусев.

О смертной казни.

Я не могу причислить себя к последователям великого нашего мыслителя Льва Толстого, но все то, что осеняет меня от последователей его, кажется сейчас незначительным перед согласием в одной вещи великой, верно постигнутой и столь нужной в наши дни мысли—мысли об абсолютной невозможности смертной казни. И начать эту статью мне хочется глубокой благодарностью редакции «Голоса Толстого» за данное ей мое счастье не быть немым в год истребления смертных казней, не быть, следовательно, соучастником их.

Еще молодым студентом я участвовал в протесте против казни революционеров Николаем, полтора года назад и протестовал против казни большевистских солдат Керенским, и сейчас, где бы я ни был, в Москве ли, в Киеве ли, на Дону ли, в Сибири ли, везде и всегда для меня нравственный аксому не перестает быть аксому.

Доказывать то, что жизнь каждого человека священна, что не может быть права одного человека лишить жизни другого,—это знают все люди, и этого доказывать нельзя, потому что не нужно. И на эту нравственную аксому надо доказывать. Надо опровергать ложные и гадкие софизмы о том, что смертная казнь врага может быть средством самосохранения. Нет, именно ради самих себя нельзя казнить других. Этим невозможно спасти. Эта истина не прекращающаяся мораль, но вполне практическая истина.

Тот, кто расстреливает другого, расстреливает самого себя. Он расстреливает свою человеческую душу, свою свободную совесть, свой нравственный стыд и величие своей любви. Он сам своими руками расстреливает в себе человека. И не казненного надо жалеть и сразу отрезать; больше всего, тот, кто без колебаний, сомнений, мук и угрызений убивает другого человека, безоружного и беззащитного. Ведь даже не всякая зверь, больше того, только самый дикый зверь расстреливает слабого ребенка и лежачего. Тот, кто расстреливает другого, расстреливает самого себя и все человеческое в себе, возмущивая в то же время того, кого он убивает. Смертная казнь осваивает казнимого. Нуля от убитого покаянно летит обратно к убийце.

Власть, получившая смертную казнь, сама обезличивает себя. Кто больше всего поврался католицизму, как не пикариоты, эти «собаки Бога», как они себя называли? Кто более других сделал царем предметом ужаса и ненависти, как не окригивия, «парские собаки»? И даже, великие негодяи прекрасно знали, что воспитывать, приучившая к насилию, не годен, потому что он уже вырабатывает нормальные средства воспитания. Но точно так же и власть, получившая смертными казнями, неизбежно соблазняется забыть, подлинное социальное творчество. Она не содействует, а бо-

редет, уничтожает личности и оставляет минимально ветроупругой системе. Вот почему и марксисты в былые времена считали террор оружием, вредным для народа: он отключает внимание народа от источников и причин и парализует энергию и самостоятельность народа в области положительного строительства.

Когда несколько десятков лет назад радикал-социалист Дюринг посмел писать о полицейском социалистическом государстве, то Зигель, второе я Маркса, писал о Дюринге: „Он подтверждает свое родство с тем образцом пруссаком, который носит своих жандармов в своей груди... Он натравливает своих жандармов будущего на религию, снабжая ее, благодаря этому, ореолом мученичества. Куда мы ни посмотрим, всюду специфически прусский социализм". Истинный социализм и „жандармы будущего" так же несовместимы, как огонь и вода. И ничто так не может обесценить социализм, как социализм, опирающийся на смертную казнь.

Правда, иногда говорят: это временная мера. Такие слова—самообман, усыпляющий совесть. Что понимает история под временным? Кажется, Робеспьер по всю свою террористическую деятельность не переставал мечтать о том, как через несколько месяцев он уедет в провинцию жить всю жизнь в тихом семейном доме. Что же касается России, то уже заданная и ней именно временные меры были самыми продолжительными. И разве нет глагола „засасать", и разве именно политика устрашения и наказания не отличается более всего способностью засасывать всех, попавших на путь ее, потому что, чем дальше, тем труднее выбраться из нее? Зло может рождать только зло.

И темь от этого зла падает на всех нас. Смертная казнь в корень развращает общество, в котором она существует: мне случалось видеть мирных деятелей народного просвещения, которые „шута" отпускали в своих острогах такие словечки, как „снять", „расстрелять кавалью", „поставить к стенке", и присутствующие, также культурные работники, в том числе и тот, по адресу кого отпускалась такая шутка, отвечали холопскими улыбочками на эти кровавые шуточки. А кто не видел детей, играющих в расстрелы? Смертная казнь есть великая, развращающая все общество, от старых до малых, сила.

Но смертная казнь—не только убийство своего человеческого я и не только бессмыслица перед лицом истории, но только общественный разврат и парализация народной энергии. Она же—величайшая опасность для народа. В дни Великой французской революции террор был введен против реакционеров и аристократов; но, по статистическим данным, именно люди на народа тиль-тишировались чаще всего. И это логика террора: введенный сегодня во имя народа, он завтра же неизбежно обращается против народа, трудового крестьянства и трудовых обывателей города. Так всегда было и так всегда есть.

Бросьте же, ради народа и самих себя, бессмысленное, гибельное и злое дело! Вы сами губите себя тем, что, по вашему мнению, укрепляет вас. Откажитесь навсегда от казни и террора, потому что зло никогда не может породить добро! Тем больше расположены мы к той или иной власти, тем сильнее, ради нее же, мы должны настаивать на этом перед ней. Творимое зло невозможно замолчать ничем, даже самыми страшными мерами, даже если бы твердо решившая всю страну превратить в страну молчаливых. Ведь как раз самое страшное для человека и есть „оставаться без протеста и освещения" те злое дела, которые совершаются среди нас". И этот самый сильный страх перед самой сильной силой, страх непонятого нравственного долга пред своей свободной человеческой совестью, и заставляет кричать против смертной казни. Молчать мы уже не имеем ни права, ни сил. И этот крик—не крик вопиющего в пустыню. Кто и а вери ое слышат цивилизация и история. Кто слышит вопящий, имеющий уши, и несчастен тот, кто не имеет их. Когда Лев Толстой и Владимир Соловьев молили об отмене казни народовольцев, то могущественный император Александр III только возмущался и не понимал „дерзких бредней", „перевальных фантазеров". Несчастный безумец и по подоправе, что в ту роковую минуту он подписывал смертный приговор своему собственному сыну!

Сочельник 1918 г.

П. Блаженный.

Против смертной казни.

Общество истинной свободы и памяти Л. Н. Толстого предпринимает собрание подписей под заявлением, имеющим целью дать всем желающим возможность открыто высказаться против смертной казни. Содержание заявления следующее:

„Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что хотим полного уничтожения смертной казни. Считаем необходимым, чтобы всякие расстрелы и все другие виды смертной казни были немедленно прекращены, и чтобы смертная казнь была вообще, во всех решительных случаях, совершенно отменена".

За листами для подписей с напечатанным на них заявлением можно обратиться по следующему адресу: В Совет Общества истинной свободы и памяти Л. Н. Толстого, Газетный пер., 12, Москва. (Там же можно внести свою подпись и имеющийся в помощники Совета список).

О способе собрания подписей напечатано подробно в пояснении в конце подписных листов.

По поводу вскрытия мощей.

1.

За последнее время представителями власти было вскрыто несколько, так называемых, „петлевых мощей". Как и следовало ожидать, вместо неистлевших тел оказались куклы, набитые ватой, тряпками, кирзачем, гвоздями и зашитые в бархатные с золотом одеяния.

Многие из людей, разделяющих взгляды современного русского правительства, несомненно, думают, что факты этого низкого, бессовестного обмана явнее всего показывают, что религия действительно есть опиум народа. Но это не так.

Люди, которые думают это, не понимают разницы между ложной и истинной религией, не видят того, что между ними нет ничего общего. Ложная религия состоит в обожествлении разных предметов, сделанных руками человеческими, как-то изображений Бога, его матери, святых,—а также в разных телодвижениях, будто бы угодных Богу, как, например, поклоны, в произнесении лавственных слов, называемых молитвами, в проглатывании кусочков хлеба с вином, будто бы превращающихся в тело и кровь Бога, и многому подобном. Все это не имеет ничего общего с истинной религией. Истинная религия признает только Бога, как непостижимое Начало всего, которое нельзя ни изобразить, ни сбить, ни просить, ни восхвалять, ни поклоняться Ему, а можно только исполнять Его волю, которую каждый человек может чувствовать в своем сердце и которая требует от каждого на нас только одного: любви ко всем людям и ко всему живому.

Как же может покорять эту религию, основы которой так твердо и несомненно заложены в вечных свойствах души каждого человека („душа человеческая по природе своей христианская," говорил древний учитель христианской веры, Тертуллиан),—как может покорять эту истинную религию, без которой жизнь наша теряет смысл, всякий обман людей, поставивших целью своей деятельности одурачение народа для достижения своих личных материальных интересов? Истинная религия не может быть смешана ни с какими обманами и ни с какой корыстью; она есть ответ на самые высокие требования нашей души.

Если же поставить вопрос о том, в какой мере разоблачение производимого духовенством обмана, совершаемое теми средствами, какими делает это настоящее правительство, в какой мере это разоблачение обмана содействует освобождению народа от распространяемых церковью суеверий, то на этот вопрос можно ответить только следующее.

Освобождение от суеверий возможно только изнутри, а не извне. Человек должен внутренне стать неспособным придерживаться суеверий, чтобы освободиться не только от веры в мощи, но и во все другие суеверия, распространяемые церковью, и государством, и наукой. Если предположить, что в нетленность мощей верят только потому, что мнимые мощи эти закрыты, и куклы, положенные в них, не видны, то все так называемые „чудотворные мощи" ведь открыты, а народ толпами идет целовать их и жлет от них исцелений и помощи. Всякий видит, что хлеб и вино, положенные священником в чашечной формы сосуд, так и остаются хлебом и вином, и однако миллионы людей верят, что после того, как священник произнес над ними известные слова и произвел известное движение, они стали телом и кровью самого Бога—Христа.

„Суеверие—как рак", писал Лев Николаевич, „надо вычищать все, если братья за операцию. А оставлять одно издельное—и от него разрастется опять все. И потому нельзя успокоиться до тех пор, пока не уничтожено все, что только противоречит разуму и требует веры".

Так что борьба с суевериями может быть успешна только тогда, когда она производится не внешним да, а доброй, от

насильственным способом, а когда она направлена на усиление в человеке доверия к той высшей способности, которая одна только может освещать и направлять нашу жизнь: к нашему разуму. А как только в человеке появится доверие к своему разуму, так он освободится от гегемонии не только в церкви, но и во все церковные суеверия, — и не в одни церковные, но и в государственные, и научные, и всякие другие суеверия.

Н. Гусев.

II.

В подтверждение непригодности насильственного вскрытия мозгов, как средства борьбы с народными суевериями, можно прибавить, что если бы даже, благодаря таким разоблачениям, некоторые люди и перестали бы доверять утверждениям церкви, то ведь это несколько еще не значило бы, что они вообще освободились от своего расположения к суеверию. Когда у человека вырывают из рук поддерживавшую его опору, то он спешит хвататься за что попало, лишь бы не упасть. То же бывает и с суевериями: при внешнем, механическом разрушении одного суеверия, оно быстро заменяется новым. Так, разуверившись в церковных суевериях, но взамен их не получивши никакого разумного освещения истинного смысла жизни, люди легко переходят к суевериям политическим и материалистическим. Церковные суеверия не срубаются ударом топора, но постепенно вытесняются новыми, более разумными средствами удовлетворения религиозных потребностей. Свидетельствует об этом вся история нашего русского сектантского движения, в его не наносных, но самобытных проявлениях. Теперь, после устранения прежнего гнета над религиозными верованиями, русский народ, если только его оставят в покое и никто не будет его торопить, отлично сумеет сам найти путь к освобождению от старых суеверий и, вообще, к оздоровлению корнями своей духовной жизни. И во всяком случае не те помогут ему в этом освобождении, кто теперь занимается вскрытием мозгов. Эти люди, большей частью не выяснившие для себя основного смысла жизни, часто и сами бывают по уши погружены в суеверия, ничуть не менее дикие, хотя и другого рода. Разве, например, не суеверие думать, что нравственность и благо зависят от телесного благополучия; что ненависть между людьми бывает законом и желательна, если она „классовая“; что путем убийства и всяких других отвратительных поступков возможно достигнуть разумной и счастливой жизни и т. д.? Эти, столь распространенные среди, так называемых, образованных людей, суеверия еще зловернее отживающей свой век простонародной веры в угонников, так как глубже развращают душу*). А между тем именно эти, более пагубные суеверия и процветают среди большинства тех людей, которые думают, что они содействуют просвещению народа, разрушая его старые суеверия чисто внешними приемами полицейского сыска, копающегося в церковном мусоре, и не давая народу взамен ничего нужного для души. Люди из народа, просвещаемые подобным образом, зачастую попадают из огня да в полымя тем, что многие из них, с досады на свое прежнее легковерие, становятся столь же податливыми последователями своих новых вожаков. И волочатся то явление, которое вокруг нас, в России, сейчас так бросается в глаза и о котором предупреждал еще Христос, говоря, что „если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму“.

Избежать этой ямы человеку возможно только тогда, когда, побуждаемый духовной жаждой, он начинает понимать, что весь смысл жизни заключается в служении добру и правде, т. е. Богу; и что служить Богу возможно только в духе истины и делами любви: Для такого человека все равно, гниет ли в своих гробах или нет те или иные трупы; и ни в каких вскрытиях мозгов он не нуждается. Жизнь духа вытесняет из его сознания самую потребность веры в мощи и чудеса, как и во всякие другие суеверия церковные, политические или иные.

В этом единственный верный путь избавления от суеверия. И, слава Богу, по этому пути уже идет русский народ в лице самостоятельно мыслящих, наиболее сознательных своих представителей, число которых возрастает с каждым днем.

В. Чертков.

4 марта 1919 г.

*) См. статью „Церковь и политика“ в № 4 „Голос Толстого и Единение“ за 1918 г.

Религия и революция.

Мысли Иосифа Мадзини.

Окончание *)

V.

Права человека и общее благо.

Почему я говорю вам о ваших обязанностях, вместо того, чтобы говорить вам о ваших правах? Почему в то время, как все, вольно или невольно, вас угнетают и мешают вам пользоваться человеческими правами, в то время, как на вашу долю приходится один страдания, а на долю всех остальных классов достается то, что зовется счастьем, — почему я говорю вам о самопожертвовании, а не о завоевании, о добродетели, о нравственном совершенствовании, а не о материальном благополучии? Этот вопрос необходимо выяснить прежде всего, потому что в нем кроется вся разница между нашим пониманием жизни и другими учениями, которые теперь проповедают в Европе.

«Мы бедны, мы угнетены, мы несчастны; говорите нам о материальном улучшении, о свободе, о счастье. Скажите нам, осуждены ли мы вечно страдать, или мы будем когда-нибудь радоваться. Проповедуйте о долге нашим хозяевам, которые стоят над нами, обращаются с нами, как с машинами, и захватывают себе блага, принадлежащие всем. Нам же говорите о наших правах; говорите о том, как их осуществить; говорите о нашей силе, и тогда уже говорите нам о долге и самопожертвовании».

Так рассуждают многие среди наших рабочих, забывая только об одном, а именно, что так же говорили и в конце восемнадцатого столетия; но это не принесло ни малейшего улучшения в судьбе рабочего.

Тогда, ради народного блага, Французская революция свергла деспотическую власть и сословные преимущества. Это было совершенно во имя прав человека, во имя свободы, которая должна была обеспечить благополучие и служить целью жизни.

Все рассуждения тех мыслителей, которые подготовили Французскую революцию, были основаны на учении о свободе, на указании каждому человеку его личных прав. Все они проповедывали человеку, что он рожден для счастья, что он имеет право добиваться этого счастья всеми средствами, что никто не имеет права запретить ему это, и что он может низвергнуть все встречающиеся на пути препятствия. И препятствия были низвергнуты; свобода была завоевана: она продолжала существовать долгие годы, в некоторых странах существует и поныне. А разве улучшилось от этого положение народа? Разве эти миллионы, живущие из дня в день трудами своих рук, достигли хоть частицы обещанного и ожидаемого благополучия?

Нет, положение народа несколько не улучшилось, даже напротив, ухудшилось во всех почти странах. Цены на продукты первой необходимости все более повышаются, заработная плата во многих отраслях рабочей деятельности все более понижается, а население возрастает. Судьба рабочего человека стала более тяжелой, более печальной; безработица сделалась более частыми.

Когда общество объявляет, что каждый может пользоваться правами, свойственными человеческой природе, то этим оно предоставляет каждому заботиться о себе. Если в этом обществе окажутся такие люди, которые не имеют возможности воспользоваться своими правами, то

*) См. № 5 нашего журнала за 1918 г.

они должны примириться с этим и не винить никого. Так рассуждали многие. Такое понятие о счастье оправдывает отношение богатого класса к бедному. И тогда каждый отдельный человек начинает так относиться к другому. Каждый человек заботится прежде всего о своих личных правах и об улучшении собственного положения, несколько не заботясь о других; когда же эти личные права сталкиваются с личными правами других, то возникает борьба: бескровная борьба при помощи денег и предательства; борьба, требующая менее храбрости, чем обывательская война, но столь же разрушительная; борьба упорная и ожесточенная, в которой сильные беспощадно давят слабых и неопытных. В этой постоянной борьбе люди научаются сдержанности и жадности. Люди, ничем не связанные между собой, но объединенные никакой верой, никакой общей целью, ищут только своего наслаждения и потому живут каждый своей личной жизнью, не обращая внимания на то, что по дороге они толкают жизни тех, кого называют своими братьями, по которым в действительности враги. Вот к чему мы теперь пришли, благодаря учению о правах человека.

Разумеется, права существуют; но когда права одного человека сталкиваются с правами другого, то для того, чтобы их примирить и установить взаимное согласие, нужно нечто более высокое, чем право. И что делать, когда права одной личности или многих расходятся с правами всего народа? Если право некая наибольшая возможная благополучия принадлежит всем живым существам, то кто разрешит спор между рабочим и владельцем фабрики? Если право на существование составляет первое непривоснованное право всякого человека, то кто же может приказывать пожертвовать своей жизнью для блага других людей? Вы станете призывать ваших братьев к самопожертвованию во имя отечества, общества. Но ведь, по этому учению, отечество—это только такое место, где наши личные права лучше всего охраняются; и общество—это только такое собрание людей, в котором многие стоворились силою защищать права каждого. И после того, как вы в продолжение десятков лет внушали каждой личности, что общество существует для того, чтобы доставить этой личности возможность пользоваться ее правами,—после этого вы хотите заставить человека пожертвовать собою ради общества, подвергнуть себя добровольно долгим лишениям, тюрьме, позорному, и все это—ради блага общества? После того, как вы проповедывали ему на всех перекрестках, что цель жизни есть благополучие, вы требуете, чтобы он разом готов был пожертвовать своим благополучием и самой жизнью? После того, как вы тогда твердили ему о материальных интересах, вы еще думаете, что он, видя перед собою богатство и власть, не захочет овладеть ими, хотя бы ему нужно было для этого погубить своих братьев?

В средине девятнадцатого столетия, после новой французской революции, одни люди подчинили себе других и построили свое могущество на убийстве своих французских товарищей-рабочих. Эти люди поступили так на основании учения о праве, а не вера в обязанность человека. Они вполне искренно восстали против королевского правления, так как оно было враждебно тому рабочему классу, в котором принадлежали они, и стесняло и нарушало их права. Они боролись во имя своего благополучия, так как им казалось, что они заслуживают больше благополучия, нежели имеют. Одни страдали от того, что их преследуют за их убеждения; другие считали себя обижеными в том, что на правительствен-

ные должности назначались люди менее, по их мнению, способные, чем они. Тогда они воспламенились негодованием по поводу бедствий народа. Тогда они горячо и красноречиво писали о правах, принадлежавших каждому человеку. Потом, когда они добились признания своих собственных политических и личных прав, когда им был открыт свободный доступ ко всем должностям, когда они завоевали себе то благополучие, к которому стремились, тогда они забыли про народ, забыли о тех миллионах, стоящих ниже их по образованию и стремлениям, которые так же, как и они, жаждали признания своих прав и добивались благополучия,—они вполне успокоились и продолжали заботиться только о себе самих. Почему же вы называете их предателями? Предательским можно назвать только то учение, которому они следовали.

Если человек считает, что бороться он должен за свои права, и устанет от этой борьбы или потеряет надежду преодолеть сопротивление деспотического правительства и захочет успокоиться и отдохнуть, то как вы ему докажете, что всякое опасение и разочарование должны только сделать его более сильным, что бороться он должен не несколько лет, а всю свою жизнь? Кто может сказать человеку: продолжай бороться за свои права, если скорее, чем бороться, он предпочтет отказаться от своих прав? И если человек основывает свою жизнь на учении о праве, то кто может убедить его в том, что он обязан жить для блага общества? Представьте себе, что он человек самостоятельный, что он чувствует свою силу и скажет вам: «я не хочу знать никакого общественного блага, мои способности призывают меня к другому; я имею полное право развивать их, и до других людей мне дела нет». Как вы ему на это ответите? Какое право имеете вы, на том основании, что вас большинство, приказывать ему повиноваться законам, с которыми он не согласен? Какое право имеете вы его наказывать, если он их нарушит? Права принадлежат в равной степени каждому человеку. Общество людей имеет больше силы, чем отдельный человек, но оно не имеет больше прав, чем он. Каким же образом вы убедите человека, что он должен согласовать свою волю с волей других людей, своих соотечественников или всего человечества? При помощи палача и тюрьмы? Общества, существовавшие до сих пор, постигали именно так. Но это—война, а мы хотим мира; это—тираническое порабощение, а мы хотим—воспитания.

VI.

Воспитание.

Человек, по своей природе, есть существо общественное, существо способное к воспитанию. Подобно тому, как Бог у нас один, так же точно не может у нас быть двух различных законов для отдельной личности и для собрания людей, или общества, человечества. Главная основа этого закона есть человеческая способность двигаться вперед, развиваться.

Любите детей, которых посылает вам судьба, но любите их истинной, глубокой, сознательной любовью; а не богаческой, червачиной, слепой любовью, которая для них гибельна, а у вас вызывает себялюбие. Во имя всего, что для вас важно, никогда не забывайте, что вы воспитываете будущее поколение. На вас лежит самая страшная ответственность перед этими уверенными вам детскими душами, перед человечеством, перед Богом. На должны учить детей не радостям и удовольствиям жизни, но самой жизни, ее обязанностям,—тому нравственному закону, который ею управляет. В наш век безверия и много матери, немногие отцы, и особенно среди тех,

житочных классов, сознают всю важность и святошь воспитательной задачи. Немногие матери, немногие отцы думают о том, сколько бесконечных распри и страданий нашего времени происходят от того себялюбия, которое слабые матери и неосторожные отцы приносят своим детям. Они допускали, чтобы дети их привыкли смотреть на жизнь не как на обязанность и высокое назначение, но как на погоню за наслаждением и стремление к богатству. Для нас, людей труда, эта опасность меньше: большинство из наших детей, к несчастью, слишком хорошо знакомо с нуждой. Но вы, бедствие нашей бедности, принуждены к постоянному труду; а потому весьма немногие из нас имеют возможность воспитывать ваших детей так, как следовало бы. Тем не менее и вы также можете отчасти исполнять эту трудную задачу. Вы можете это сделать и словом, и примером нашей жизни.

«Ваши дети будут подобны вам—испорченными или добродетельными, смотря по тому, испорчены или добродетельны вы. Как могут они быть честными, добрыми, любовными, если вам самим недостает честности, если вы безжалостны к вашим братьям? Как им побороть свои грубые наклонности, если они видят, что вы их не умеете сдерживать? Как им сохранить в чистоте свою природную невинность, если вы не боитесь соблазнять их грязными поступками и словами? Вы служите для них образцом, по которому воспитываются их впечатлительные души. От вас зависит—вырастут ли ваши дети людьми или животными». (Ламена).

Семья—это родина сердца.

Воспитание имеет дело с нравственными способностями; образование—с умственными. Воспитание развивает в человеке сознание своих обязанностей; образование делает человека способным осуществлять свои обязанности на деле. Без образования воспитание часто бывает бесполезным; без воспитания образование похоже на рычаг, которому не на что опереться. Вы умеете читать, но какая в том польза, если вы не знаете, какие книги плохие, какие хорошие? Вы умеете письменно передавать ваши мысли братьям, но какое это имеет значение, если мысли ваши проникнуты себялюбием? Образование, подобно богатству, может служить и добру и злу, смотря по тому, как им пользуются. Если образование употребляется для служения развитию сознания всех, то оно служит орудием просвещения и свободы; если человек обращает в свою пользу образование, то оно делается орудием порабощения и развращения. В настоящее время в Европе образование распространяется без достаточного нравственного воспитания, и потому оно служит величайшим злом. Оно поддерживает неравенство между классами одного и того же народа и приучает человеческие души к расчету, себялюбию, сделкам с совестью и к ложным учениям.

Воспитайте в детские сердца не ненависть к притеснителям, а желание бороться против притеснения. Пусть, благодаря вашим речам, в детях развивается познание того, как прекрасно следовать по пути добродетели, как велико призвание служителя правды, и как хорошо жертвовать собою для своих братьев, когда это нужно. Внушайте юным умам чувства возмущения против всякой власти, которая насильственно захвачена или поддерживается силой; и вместе с тем внушайте уважение и единственной истинной власти—власти добродетели. Пусть растут дети противниками и государственного насилия и душевной распушенности. Пусть они учатся уважать истинную разницу, которая внушается совестью, а не приговаривается к преданию.

Истинное народное воспитание скажет ученику в конце обучения: «Тебе предназначено жить в условиях одинаковых для всех нас. А потому мы говорим тебе об основах, на которых созданы эти общие условия, и о тех нравственных законах, в которые верит сейчас народ. Но знай, что главный из этих законов есть движение вперед. Помни, что твое назначение, как человека и гражданина, заключается в том, чтобы совершенствоваться, по мере своих сил, ум и сердце твоих собратьев. Иди, наблюдай, сравнивай. И если ты отыщешь истину, высшую, чем та, которую мы имеем, то проповедай о ней смело, и твое отечество тебя благословит».

VII.

Истинная свобода.

Истинная свобода не может существовать без равенства; а равенства не может быть там, где нет одного общего основания, одного живосопимания, одинакового понятия о долге.

Ваша свобода будет священна, потому что будет основана на признании долга, веры в общее совершенствование. Ваша свобода будет процветать под защитой Бога и людей—но потому, что она будет состоять в том, чтобы вы признавали за собою право злоупотреблять вашими способностями, делая все, что вам вздумается; но потому, что свобода будет для вас правом выбирать свободно, согласно вашим наклонностям, способы для того, чтобы делать добро.

Вы свободны и сознаете свою свободу. Ложная наука разными хитросплетениями старается уверить людей, что голос совести не имеет значения, и что нет у нас свободной воли. Но все эти утешения разрушаются двумя обстоятельствами, которых невозможно опровергнуть, а именно, тем, что человеку свойственно испытывать раскаяние и мучения совести. Все мучения за веру, от Сократа до Христа и от Христа до тех, кто сейчас умирает за правое дело—свидетельствуют против этого рабского учения о том, что нет у человека свободной воли. Они возглашают: «Мы любили жизнь, мы любили те существа, из-за которых мы дорожим жизнью и которые умоляли нас уступить притеснителям. Чувство наше говорило каждому из нас: живи! Но для спасения будущих поколений людей мы набрали смерть».

Начиная с Каина и кончая последним шином нашим дном, все предатели своих братьев, все люди, пошедшие по пути зла, чувствуют в глубине своей души осуждение, беспокойство; и упрекающий голос совести говорит каждому из нас: почему удалился ты от пути добра? Вы свободны и потому вы отвечаете за свои поступки.

VIII.

Путь совершенствования жизни.

В каждом слове Христа отражалось то учение, которое он проповедывал, и вокруг него были аистолы, всею своей жизнью проявившие ту веру, которую они приняли. Будьте подобны им, и вы победите. Проповедуйте о долге людям тех классов, которые притесняют вас, и исполняйте, насколько возможно, ваш собственный долг. Проповедуйте о добродетели, о самопожертвовании, о любви; и сами будьте добродетельны и готовы к самопожертвованию и любви. Говорите смело о ваших нуждах и надеждах; но без гнева, без ненависти, без угрозы; самой могущественной угрозой послужит ваша твердость, а не призыв к восстанию. Проповедуйте среди своих товарищей о их истинном назначении, о задаче, возложенной на всех людей, стремитесь в то же время к образованию, к усовершенствованию, воспитывайте себя, чтобы быть в со-

стоянам лучше осознать и исполнить свои обязанности. Те немногие среди вас, которые находятся в лучших условиях и имеют более свободное время, должны, по мере возможности, отдавать свой досуг самовоспитанию. И если хотя немногие из вас приобретут то просвещение, от которого зависит развитие народа, то и этого будет достаточно для того, чтобы распространить это просвещение между тысячами, направить их по истинному пути и сохранить от кривотолков и лжеучений, которыми некоторые будут стараться искажать истину.

Следуя учению о том, что счастье, благополучие составляет цель жизни, люди стали бы себялюбцами, поклонниками матери, они внесли бы старые страсти в новый строй и испортили бы его в несколько месяцев. Задача ваша в том, чтобы найти для воспитания людей более высокое начало, которое повело бы к улучшению жизни, к постоянному самопожертвованию, связывая людей между собой без принуждения со стороны одного или многих. И таким началом должно служить понятие о долге. Нужно убедить людей, что они, как дети единого Бога, посланы на землю для того, чтобы выполнять один закон, что каждый из них должен жить не для себя, а для других, что цель человеческой жизни должна состоять не в том, чтобы сделаться счастливыми, а в том, чтобы совершенствовать себя и других, что мы должны бороться с несправедливостью и заблуждением для блага ближних, и что в этом не только наше право, но и наша обязанность на всю жизнь, обязанность, забывать которую мы не должны.

Все основы нравственности, все правила, которые должны руководить вашими поступками, держатся на законе вашей жизни, законе Божеском. Из этого закона вытекает ваш долг и вся ваша ответственность. На нем же основана и ваша защита против неправых законов, которые могут быть наложены на вас по произволу одного человека или многих людей. Не зная закона Бога, вы не можете говорить о правах человека. Все права берут свое начало в законе. Если вы не можете указать на тот закон Божий, из которого вытекают ваши права, то вы не что иное, как рабы или тираны: рабы перед чужой силой, если вы слабы; тираны, если вы сильны. Чтобы быть по-настоящему сильными, вы должны узнать закон, который отличает человеческую природу от природы животных, растений, веществ; и должны согласовать свои действия с этим законом.

Один мученик за свободу совести, Иван Гусс из Богемии, был церковниками сожжен на костре. Часто думают, что борьба эта происходила между увлекавшимися фанатиками из-за богословских вопросов, не имевших отношения к жизни. Но когда история станет доступна для народных масс, то она покажет вам, что всякое движение вперед в религиозных вопросах всегда вызывало и соответствующее движение вперед в общественной жизни. И тогда вы поймете истинное значение этих распри и будете почитать память этих мучеников, как своих благодетелей.

Вы должны считать своим законным главою того, кто в состоянии лучше объяснить вам закон Бога и приложить этот закон к вашей жизни. Любите такого человека и следуйте за ним. Но вне Бога вы не имеете и не можете иметь начальника над собой. Иначе вы измените Богу и восстанете против Него.

Братья, проповедуйте именем Бога. Ученые будут насмехаться. Но спросите у ученых, что делали они для отечества? Священники отлучат вас от церкви. Скажите священникам, что вы знаете Бога лучше, чем все они, и что вы не пугаетесь в посредниках между Богом и Его законом. Народ поймет вас и встретит вместе с вами:

мы веруем в Бога Отца, разум и любовь, создателя и воспитателя человечества. И этими словами вы и народ одержите победу.

IX.

Высшее призвание.

Я говорил вам об обязанностях. Я показал вам, что если вы сознаете ваши права, то это недостаточно еще для того, чтобы направить вас по пути добра; недостаточно для того, чтобы вы достигли того движения вперед, того постоянного улучшения вашего положения, к которому вы стремитесь. Какой же может быть долг без Бога? Какое бы государственное устройство вы ни избрали, — без Бога вы не можете основать его на другом начале, как только на силе, слепой, грубой, тиранической силе. Из этого круга вам никогда не выйти. Или человек зависит от духовного закона, и тогда мы все обязаны стремиться открыть этот закон и следовать ему; или же все зависит от случайности, от обстоятельств настоящей минуты, от человека который умеет по-своему направить эти обстоятельства. Мы должны или повиноваться Богу, или повиноваться людям — одному человеку или многим, это все равно. Если высший разум не господствует над всеми человеческими умами, то как избавиться от притеснений со стороны людей, которые сильнее нас? Если над нами не существует священного, ненарушимого закона, который не создан людьми, то на каком основании можем мы судить о том, справедлив ли тот или другой поступок? Во имя кого, во имя чего станем мы противодействовать угнетению и неравенству? Без Бога у нас будет один господин — то, что есть, действительность, совершившийся факт. Перед совершившимся фактом материалисты всегда преклоняются.

Я говорю вам с глубоким убеждением, что вы ничего не достигнете без Бога, без познания закона, без нравственности, без готовности к жертвам; ничего не достигнете, если будете идти за людьми, у которых нет ни веры, ни уважения к истине, нет ничего, кроме тщеславия своими умствованиями. Этим путем вы будете иметь бунты, но не ту истинную, великую Революцию, к которой я вас призываю. Эта революция не есть то пустое восстание из мести, к которому призывают вас люди себялюбивые; она есть дело религиозное.

Совершенствовать себя и других — в этом главная задача и высшая надежда всякой реформы, всякого общественного движения. Сколько ни украшал дом, в котором живет человек, если он не будет преобразован, то судьба человека не изменится. Там, где нет души человека, а есть только тело раба, там все реформы останутся бесполезными. Дом, украшенный и убранный с роскошью, есть только выбаленная могила, не более. Вы никогда не заставите общество, к которому вы принадлежите, завести устройство взаимопомощи или кооперации вместо устройства найма, если не докажете обществу, что вы сумеете посредством взаимопомощи или кооперации улучшить производство нужных предметов и совместное благополучие. И для того, чтобы это доказать, вам нужно показать, что вы способны основать и поддерживать кооперацию с честью, с взаимным доброжелательством, с способностью жертвовать собой, с любовью к труду. Для того, чтобы пойти вперед, вы должны показать себя способными пойти вперед.

Верю, что человек должен есть и жить и что для того, чтобы иметь возможность развивать свои высшие способности, он не должен отдавать всего своего существования материальной заботе. Но я с ужасом прислушиваюсь к голосам тех, кто говорит людям: ваша цель — питание; ваше право — наслаждаться. Я знаю, что слова

эти могут создать только себялюбцев, как было во Франции и других странах, и что это же, к сожалению, происходит и в Италии. В словах этих заключается осуждение всех благородных стремлений, великого мученичества за правду, всякого будущего истинного величия. Главное несчастье нашего века — в том, что люди слишком мало верят, что земля и небо, видимый мир и Бог составляют одно целое. Человек, который не имеет этой веры в духовную жизнь, преклоняется перед внешним миром, перед материей и становится идолопоклонником перед **выгодой**.

Но то важно, чтобы вперед **определить**, в чем именно должно заключаться будущее движение вперед человечества, а то важно, чтобы люди открыли, помощью истинного религиозного воспитания, путь ко всякому движению вперед и чтобы они сделались способными идти по этому пути. И верю, что человек постоянно становится лучше, благороднее, богоподобнее; верю, что в этом главная наша цель на земле. Эта цель выше всяких телесных наслаждений, выше той цели, которая, будто бы в наемку, называется **счастьем**.

Вас ожидает великое призвание: доказать, что мы все — дети Бога и братья в Боге. Вы можете осуществить это призвание только тем, чтобы совершенствовать себя и исполнить свой долг.

X.

Жить для Царства Божия.

Бог постепенно воплощается в человечество. Закон Бога один, так же, как и сам Бог; но мы открываем этот закон постепенно, главу за главой, строчку за строчкой. В этом помогает нам опыт тех поколений людей, которые жили раньше нас, и постоянное все более и более тесное общение между народами и отдельными личностями.

Бог поселил вас среди миллионов подобных вам существ. Их мысли питаются вашими мыслями, их совершенствование идет вперед вместе с вашим, их жизнь оидотворяется вашей жизнью. Для того, чтобы уберечь вас от опасности одиночества, Бог наделил вас такими потребностями, которые вы не можете удовлетворить, если останетесь отделенными от других людей. Он даровал вам стремление к общественной жизни, которое отличает вас от других людей, в которых это стремление спит. Он поселил вас в этом материальном мире, который переполнен красоты и жизни. В жизни этой постоянно чувствуется присутствие Бога; но вместе с тем она завлечет от вас самих. И насколько жизнь эта будет могущественна, зависит от того, насколько вы будете напряженно и успешно действовать. Бог даровал вам способность горячо сочувствовать другим людям. Вы жалуете того, кто страдает, радуетесь за того, кто счастлив, гневаетесь против того, кто притесняет живое существо. Вы постоянно стремитесь к истине, восхищаетесь перед великими людьми, которые отрывают часть этой истины, споряте с тем, кто передает другим эту истину для общего блага, преклоняетесь перед тем, кто, не имея возможности добиться торжества этой истины, умирает мучеником и кровью своей запечатлевает свидетельство о ней. А те люди, которые хотят отделить Бога от общественной жизни, не признают и презирают все эти указания на наше назначение, которые Бог нам даровал. Они даже проваливают эти указания и призывают нас направить все свои силы на то, чтобы внутренне очиститься. Но невозможно как следует внутренне очиститься, если останешься в стороне от людей.

Всякая сильная вера, которая возникает на обломках старых вер, изменяет существующий общественный по-

рядок, потому что всякая сильная вера стремится проникнуть во все стороны человеческой деятельности. Земля всегда, во все времена, стремилась соединиться с небом через веру. Вся история человечества повторяет молитву Господню на разные лады и с различной силой: «Да придет Царствие Твое, яко на небеси, и на земли». Да придет Царствие Твое, яко на небеси, и на земли — о, братья мои, поймите и осуществите в жизни лучше, чем прежде, эти слова нашей веры, эту нашу молитву!

Жизнь вашего отечества раскроется перед вами во всей своей красоте и силе, свободная от рабских страхов и малодушных колебаний. **Основанием** вашего отечества будет народ; **дейтельностью** его будет все то, что вытекает из его понимания жизни; **силой** его будет сила всех; **последствием** будет общее совершенствование; **целью** его будет исполнение назначения, данного Богом. И так как вы будете всегда готовы умереть за человечество, то жизнь вашего отечества будет бессмертной.

«Вы должны создать мировую семью, строить град Божий, вы должны постоянным трудом осуществить волю Божию в человечестве. Придет время, когда вы будете любить друг друга, как братья; будете обращаться друг с другом, как братья; и каждый будет искать собственного блага в благах других, каждый соединит свою жизнь с жизнью всех, собственные выгоды с выгодами всех, всегда будет готов пожертвовать собою за всех членов общей семьи, которые, с своей стороны, готовы будут пожертвовать собою за него. Тогда большинство зол, которые сейчас тяготеют над человечеством, исчезнут, как туман от солнца; и воля Бога исполнится; ибо воля Его такова, чтобы любовь постепенно все теснее и теснее соединяла рассеянные частички человечества и создавала из них одно тело, и сделала бы это тело единым, как Бог один». (Ламена).

М а р а.

Окончание.

VIII.

Прошло сто лет после смерти Будды, и число буддистов, т. е. последователей его, возрастало все более и более.

Но многие из язычников насмехались над верой их, говоря: «Что это за Бог такой у них, которого нельзя видеть. У нас наши боги, идолы, всегда с нами. Не будем оставлять своих богов и приходить к Богу, которого не увидеть глазами».

И собрались буддисты на собор в числе семисот человек посоветоваться о том, как после этого обращать язычников в свою веру.

Пришел и Мара на собор в образе старейшего из учеников Будды, и когда в собрании начались споры об обращении язычников, он возвысил голос свой и сказал:

— Зачем нам заботиться о том, чтобы в нашей вере было много народу? Что пользы, если мы приобретем и весь мир, а в вере своей будем не тверды? Надо сначала самим укрепиться в вере, и тогда сами пойдут к нам. Язычники и не почитают своих богов и не жалуют для них ни золота, ни серебра. А мы сами живем в богатых домах, а Будде-Богу и малого храма не построим. Называем его Богом, а служить ему и как человеку не служим. Такая-то вера наша! Говорим, что любим Будду, а пожертвовать ему — ничего не пожертвуем. Только ими одно, что буддисты. Возлюбим же его не словом или языком, а на самом деле; не пощадим для него имущества своего, выстроим славный храм в честь святого его имени.

Но некто возражал на это: «Что Будда не учил, чтобы были храмы».

И сказал Мара:

— То он говорил о храмах земческих, а мы построим храм истинный, храм не кому другому, а самому учителю нашему. И вот я жертвую на построение храма половину своего имущества, а другую половину отдаю служителям, которые будут править службу в этом храме.

* См. № 5 (14) „Гол. Тол. и Ед.“.

И все собрание одобрило речь Мары. Многие при этом по его примеру тоже пожертвовали часть имений своих и храм Будды, и сейчас же началась постройка храма.

Выстроили обширный храм в честь Будды и украсили его золотом и серебром и живописными работами. А впереди поставили изображение Будды в золотой ризе с самоцветными камнями, и перед изображением устроили жертвенник.

Когда же окончилась постройка храма, Мара приставил к храму жрецов и установил, чтобы они ежедневно совершали служение Будде в этом храме утром, в полдень и вечером.

В первый раз службы совершал сам Мара. Он одет был в золотканную одежду, а на голове его красовалась повязка, шитая жемчугом. Около него стояли жрецы в богато-украшенных ризах. И все они, как Мара, так и жрецы, вели хвалебные песни Будде, яко Богу, кланялись его изображению, ставили перед ним свечи, курили на кадильниц и клали на жертвенник цветы, хлеб, вино и другие земные плоды.

И весь народ с усердием поклонялся изображению Будды. И говорили стоявшие в храме:

— Какое теперь стало у нас благолешие! И не узнаешь, на небе ли мы стоим или на земле.

Но один из верных учеников Будды, случившийся тут, возмущен духом и сказал:

— Это не есть благолешие, это есть прелесть Мары. Разве Будда учил, чтобы деньги вдов и сирот употреблялись на украшение стен или на роскошь одежд? Ничему такому не учил Будда.

И возмущенно стоявшие:

— Это речь еретика, это речь Мары!..

— Нет, это вы еретики,—отвечал тот.—Эго у вас не храм, это идолическое капище; это не ученики Будды, это идолические служители; это не образ Будды, это идол мерзкий. Вы заблудились от истины, вы стали поклоняться идолу. Если бы Будда пришел в этот храм, он не узнал бы, что здесь собрались те, которые величаются учениками его.

И весь этот народ возмущился против него, а жрецы оглушили его от собрания и сказали, чтобы никто с ним, как с отлученным от стада Будды, не имел никакого сношения, ни продавал ему, ни покупал у него, ни даже говорил с ним; а как некоторые из народа послушались слов его, то изгнали их вместе с ним из храма.

И тогда сказали:

— Слава святому Брамe и Будде и Метей! Теперь язичники не скажут, что мы не усердны к своему Богу; теперь все они поддадутся в нашу веру, потому что у нас стало теперь лучше, чем у язичников.

И возрадовался Мара в сердце своем и сказал:

— Пусть хоть все язичники перейдут в эту веру; теперь и у них стало не лучше, чем у язичников.

Но у Мары возникла после того новая забота: оставались неповрежденными те книги, в которых было написано учение Будды, а в книгах сохранилось и все его учение. Можно ли это перевести Марe?

Боялся Мара, чтобы не доискался народ по книгам этим до истинного пути жизни, и внушил жрецам, чтобы они не давали этих книг народу, читали бы с пропусками поемно, в храмах Будды.

И отобрали жрецы все книги, в которых записано было учение Будды, от народа и сказали ему:

— Вы не просвещенные, вы сами не можете понимать эти книги. Вы заблудитесь от учения Будды по этим книгам. По нашим же книгам вы повек не заблудитесь. Мы сами будем толковать их.

Но один из жрецов буддийских не захотел обманывать народ и стал говорить всем людям, что в книгах написано другое учение, чем какому хотят учить жрецы, что в книгах указано не храмы строить и жертвы приносить, а исполнять пять заповедей и обходиться с любовью со всем живущим.

И многие в народе послушались слов его и отступились от учения жрецов. И возникло большое разделение в народе. И собрал тогда Мара на собор всех жрецов со всех стран света, чтобы рассудить об этом разделении. И сошлись на собор тысячи жрецов, благочестивых и усердных ко храмам Будды.

Когда же в собрании стали говорить о книгах, в которых было записано все учение Будды, встал Мара в образе лачильника над всеми жрецами и сказал:

— В книгах записано не все учение Будды; многое из его учения не записано в книгах, а передается устно из рода в род. Все благочестивые буддисты веруют в храмы и знают, что и сам Будда часто ходил во храм и творил там многие чудеса,—и всего этого не записано в книгах, все это известно по одному преданию. И многие добродетельные жрецы видели многие видения, посланные с неба, о жизни и учении Будды, но в этого тоже нет в наших книгах. Надо

записать в священные книги все предание, какая ходит о жизни Будды, надо записать и все учение его, каков мы держим по преданию,—и тогда истина во всей полноте будет записана в книги.

И все собрание жрецов одобрило эти слова.

И записали в книги все учение жрецов и все видения, какие снизлись жрецам, и все чудеса, о которых рассказывали жрецы, и прославили Будду за его учение, которому он не учил, и за все его чудеса, которых он не творил, и сказали:

— Слава святому Брамe и Будде и Метей! Теперь никто не скажет, что мы проповедуем не то учение, которому учил Будда; теперь весь народ узнает, что и в книгах наших написано то учение, каково и мы проповедуем.

Жреца же того, который смутал народ, отлучили от собрания и посадили в темницу; а как многие другие с ним были согласны, то заключили и их вместе с ним, а иных изгнали из земли своей.

И пошел в темницу верный ученик Будды и думал про себя:

— Нет. Хотя вы и повредили книги, но не повредили его учения. Не стало Будды в книгах, но он жив, мой учитель, но он жив в сердце моем.

IX.

Прошло повею того много лет. В индийской земле стали строить школы и обучать всем наукам. И стал индийский народ образованный. А были многие и ученые, которые научили всю премудрость человеческую.

И взяли эти мудрецы те книги, в которых было написано учение Будды и жизнь его, и прочитали.

И узнали, что там написано, что Будда, хотя и имел отца и мать, но на самом деле родился от звезды, которая сошла с неба на царю, что он многие чудеса при жизни своей делал, а когда умер, тогда солнце померкло и было землетрясение,—и подумали так: «Не может этого быть, чтобы звезда вошла в лоно царши с правого бока, и чтобы от этого зачался человек? Это все неправда, потому что таких дел не бывает на свете. По всем книгам написано и по всем наукам говорится, что свет всегда одинаков: как установлен от века, так и идет. Чего теперь не бывает, того и тогда не было.»

И мудрецы умнейшие и мудрейшие, сосчитавши все звезды на небе и прочитавши все книги, какие есть в мире, сказали тогда про Будду:

— Не было и нет никакого Будды. Все, что говорят про учение Будды,—это выдумка жрецов. Все, что рассказывают про жизнь Будды,—это обольщение Мары.

И возглаголо у Мары сердце от радости и сказал он:

— Не было и нет никакого Будды. Все, что говорят про учение Будды—это выдумка жрецов; все, что рассказывают про Будду—это обольщение Мары.

X.

Прошло пятьсот лет после смерти Будды, и тьма на земле стала большая. Небесное солнце горело поспешнее, но не было света в умах людских, а в сердцах—темнота.

Весь мир погрязал в пороках, царство вставало на нарство, и ведае кланялись идолам.

В Индии в то время чтили трех богов: Брамe, Будду и Метей, хотя и говорили, что это не три Бога, а один. Индийские же жрецы обольщали народ ложными учениями и всего более заботились о своем почете.

Истинных учеников Будды оставалось немного, но и те были всеми презираемы, томилась по темницам, сгатались по лесам и пустыням.

На лесном берегу реки Ганга сидел один верный ученик Будды и тосковал об учении своего учителя.

— Не стало больше великого учителя,—говорил он сам с собой.—Ложные учителя испортили его учение, и никому больше указать путь жизни людей.

А внутренний голос шепнул ему:

— Нет, он жив, твой учитель, он жив в сердце твоём. Доколе есть на земле хоть один человек, который в чистоте хранит святое учение его—дотоле не погибло дело твоего учителя.

— Да, он, твой учитель, жив для тебя, пока ты хранишь в сердце своем все учение его.

— Да, он жив, твой учитель, он жив в сердце твоём,—вдруг прозвучал около него чей-то радостный голос.

Ученик Будды вдрогнул, услышав эти слова. Поднял взор свой и видит, что около него стоит какой-то странник.

— Я прихожу и тебе с благою вестью,— сказал странник:— тот учитель, о котором ты тоскуешь, он не мертв, вот, он не мертв, он жив.

Ученик Будды широко раскрыл глаза, удивляясь тому, что говорил странник.

— Где же этот учитель?— вымолвил он.— Я пойду к нему.

— Он с нами,— сказал странник.— Сатана вложил в мысли слабого из учеников предать его агнтероям, и те убийли его,— но он с нами. Он сказал, что он там пребывает, где двое или трое собраны во имя его.

— Как же его звать, твоего учителя?— спросил тот.

— Ему имя Христос,— отвечал странник,— а мы называемся христианами.

Это был ученик Христа; святой апостол Фома, пришедший проповедывать в Индию Христово учение.

XI.

И рассказал апостол Фома все учение Христа ученику Будды, его жизнь и страдания и крестную смерть.

И сказала ученик Будды:

— Да воскреснет он, твой учитель, и в моем сердце! И я хочу быть сыном Божиим, а не чадом Мары.

— Ну, будь,— отвечал ему Фома:— знай только, что наш путь на земле—путь скорбный: нас будут отлучать и гнать,— но и в скорби нашей радость наша будет пребывать в нас.

— Я не страшусь гонений,— сказал бывший буддист:— и много услышал за учение Будды,— ужели боюсь их, когда придется пострадать мне за Христа?

И пошли они вместе, исподу проповедуя учение Иисуса Христа, сына Божия, показавшего всему миру истинный путь жизни.

А. Аполлов.

Не ненависть, а единение!

Письмо из провинции.

Больно читать современные газеты. Больно за людей, которые в них пишут, и обидно за тех, кто, предполагается, будет читать и им верить.

Не довольствуясь газетами, партийная и иная агитация вылезала далее—из стены домов. Всяду воззвания, огромные разноцветные плакаты.

В одних на них советуются каждому как можно скорее и лучше учиться убивать других и постараться как можно больше убить себе подобных. В других проповедуются „классовая ненависть“ и, вопрека голосу совести каждого, во исполнение испорченного человека, побивается убеждение, что лучшего устройства жизни можно добиться только, якобы, через пламенную злобу и „святую“ вражду.

Все случилось, все переменялось в головах несчастных партийных людей, отуманенных властью и искусственно разожженной в себе и поддерживаемой злобой.

Злоба стала „святой“, а „любовь“—единение— преступными, контр-революционными...

Одно из двух. Или они говорят искренно, и тогда такое их душевное состояние поистине ужасно, и они больше, чем кто-либо, заслуживают сожаления. Или же они намеренно лгут. Но и в таком случае можно только сострадать и жалеть, зачем они делают такое явно безнадежное и в то же время такое глубоко-преступное дело. Безнадежное потому, что, сколько бы они ни старались исканить врожденные каждому человеку законы Бога и совести, им этого достичь не удастся. И они добьются только того, что русский народ поймет их недобросовестность и отвернется от них. А отерзавшись, лишит их и той внешней опоры, на которой они пытаются обосновать свое лучшее благосостояние.

Преступным же и вредным дело такой проповеди является потому, что, сбивая с толку или еще духовно не установившихся или плохо разбирающихся людей, она мешает истинно-разумной и правильной жизни и не только не облегчает, но страшно затрудняет жизнь простого народа.

Так что в обоих случаях—и в случае неискренности и в случае неискренности—этим людям не следовало бы делать то, что они делают. И не следовало бы не только потому, что это очень дурно и вредно вообще, но еще и потому, что очень вредно также и для их собственных практических целей, сокращая время их влияния и так называемой „власти“. Они поистине рубят сук, на котором сидят. И это так ясно и понятно, что не видеть это может только тот, кто видеть не хочет. Но сторонники и проповедники ненависти как раз и находятся именно в таком положении: они авизывая глаза и, как слепые, идут, не зная, куда, и пытаются даже вести за собой других.

Но так как, идя по ложной дороге, никогда невозможно дойти до назначенной цели, то и не удивительно, что они, чем дальше идут, тем все больше и больше не приближаются к цели, а от нее удаляются; и при этом договариваются уже до злых и всем понятных несообразностей.

Вот житебский пример.

Недавно на улицах появилось воззвание „Христианско-социалистической рабочей крестьянской партии“.

В виде руководящего правила люди, принадлежащие к этой партии, или эту партию желающие соорганизовать и составить, для себя написали:

„В любви и единении обретешь ты право свое“. Далее это воззвание увещивало, что партия станет своей целью устройство жизни для блага трудящихся и по заветам Христа.

Такое было воззвание. Было оно правдиво, или нет; верили ли люди, его писавшие, в учение Христа, или только прикрывались его именем, об этом, разумеется, можно быть разного мнения. Но только то, что было написано, несомненно, было хорошо, и можно бы было только желать, чтобы люди так думали и так поступали.

В самом деле, если и раздаются протесты против учения Христа и единения и любви, то, валь, не потому, что это плохо, а потому, что, говорят, это слишком трудно и неисполнимо. С такими возражениями можно соглашаться или не соглашаться. Но никто никогда и нигде не посмел еще сказать, чтобы закон любви—закон Христа—был очень дурен и даже преступен. Репер же утверждает именно это. В „Вечерних Известиях Московского Совета“, в номере от 16 августа (№ 26), в статье Руклина написано именно так: „Христ.-Социал. партия говорит о любви и единении. О любви к кому? Не к чехо-словакам ли? Или... к помещикам и фабрикантам?“

„Настоящая рабоче-крестьянская власть,—сказано дальше,—власть подлинно-народная, говорит, что для освобождения трудящихся нужна не проповедь любви, а ненависть; что классовая борьба, постоянная война между эксплуататорами и эксплуатируемыми—закон природы, где этого закона не избежать никому.“

„Только слуги капитала лицемерно твердят о любви и единении, ибо такой проповедью они смягчают классовую борьбу и этим самым туго затягивают закапную на шею рабочих и крестьян петлю.“

„Сейчас говорить о „любви и единении“ может только враг крестьян и рабочих.“

Я впрочем выписала подробно и вблизком эти кощунственные над советские и законами Бога слова. Выписала для того, что мне казалось, что если бы я передала их своими словами, то никто не поверил бы, что нечто подобное можно было сказать.

Но это сказано, это написано и напечатано. И такое чтение поддается в виде духовной пищи читающим.

Что это? Недомыслие или ослепление?

Известно давно, что если Бог захочет наказать, то прежде всего отнимет разум. И начем иным, как отнятием разума нельзя объяснить такого гонения и толкования „христианского социализма“.

Но не злоба и не ненависть даже и на это должны быть ответом. Нет! На слепых, когда они обиваются с дороги, не гневаются, а берут за руки и указывают, куда им идти, сожалея о постигшем их тяжком несчастии. Об этой поразившей духовной слепоте, провозгласившей единственно верным и единственно вечным законом ненависти, вместо закона любви, глубоко сожалеем и мы. Большие и прежде всего мы ждем прозрения. Что же касается до тех, для кого это писано, то в должной оценке ими этого безумства мы не сомневаемся: голос совести жив, и он подскажет простому народу, где правда.

И. И.

Обмен мыслей.

(Из писем).

Арест.

Приехав в уездный город, я отправился в книжный магазин, и дорогой мне потому-то захотелось опустить в кармане, где лежал поргмон. Только-что я опустил руку в карман, как почувствовал окрик оказавшего на дрожжах человека:

— Товарищ, ваш документ!

Не вынимая руки из кармана, я сказал:

— Друг, зачем вам документ, когда я сам здесь?

— И комиссар!—еще пуще прежнего закричал человек из дрожжах.

— Но на дуге вашей не написано, что вы комиссар, хотя теперь я и догадываюсь, по вашему повышенному тону, что вы власть имущий. Меня здесь все знает.

— Вы кто такой?

— И человек.

— Идете со мной в чрезвычайную следственную комиссию, когда так, — запугивающим голосом провозгласил он.

— Друг мой, время терять попусту я нравственно не имею права. Все, что от нас зависит, мы и здесь решить можем, а зачем нам ходить по комиссиям?

— Да ведь мне нужно знать, кто вы такой? Потому что теперь много шляется разного сброда, — уже понизив тон, сказал комиссар.

— Мы друг друга и так можем, без комиссий узнавать, ибо мы все одарены одним умом. И вот, например, уже своим разумом догадался, за что вы меня задержали.

— Ну, скажите, за что? — спросил он.

— А за то, что вот на ваших глазах положил руку в карман. Вы же, как стоящий у власти и, следовательно, боявшийся всех и каждого, подумали, что я имею умысел убить вас. Вот в каком умственном положении вы находитесь! А все из-за того, что любите к людям в вас угасает, что все вы, желанные управлять людьми, забываете о самом важном: как прожить этот короткий миг жизни согласно требованиям своей совести.

— Но все-таки я должен узнать, кто вы такой? А потому идете вот туда сейчас.

И он указал на дом, к которому подвезжал. На окна этого дома выглянул человек, которому, поклонившись, комиссар сказал:

— А Селинников дома? И ему хотел передать вот этого человека.

— Его нет, — послышался ответ.

— В таком случае идите.

И мы прошли еще шагов десять молча, а я в это время ел яблоко, вынутое из того же злополучного кармана, в котором держал руку. Мой спутник зорко оглянул меня, потом сказал:

— Вы кто такой?

— Любезный, я уже сказал вам, что я — человек.

— А звать-то вас как?

— Елизар.

— По отчеству?

— Иванович.

— Ну, а фамилия?

— Пыриков.

— Пыриков? — повторил он и, как будто что-то припоминая, продолжал: — Вы что, не Я.?

— Нет, я из Д. Слыхани, там есть Общество Истинной Свободы?

— Да как же, я сам был в вашей местности. Ну, что же мне с вами сделать? — сказал он уже мягко.

— Зачем нам делать друг другу что бы то ни было? Мы должны лишь любить друг друга.

И я видел, что в нем проснулся разум, который был опьянен властью, и мне стало жалко его, и я сказал:

— Брат, за что вы так мучаете себя и людей? Бросьте свое ремесло, оно куда как нехорошо. Ведь все равно от голоса совести укрыться нельзя.

Он прервал меня, сказал:

— Вот что, я когда-нибудь побываю у вас, — и быстро подав мне руку, поехал, как видно, желая прервать дальнейший разговор.

В это время около нас уже стояли два знакомых ему человека, так что мне пришлось кричать ему вслед:

— Да, мы будем очень рады, если вы посетите нас, наши души ищут однородное свое происхождение и в ваших душах. У нас Общество строится совсем на иных началах...

Вот чем кончился мой арест. Но душа пралась догнать этого человека, броситься к нему и ноги и просить его, чтобы он ради спасения своей души оставил бы свои должности, ибо по всему было видно, что он недавно оторвал от нормальной трудовой жизни и лишь завлечен на этот скользкий путь, став помощником делу Волю, про которое и слушать ему уже тяжело.

Слава Богу, в простом народе еще жива божеская душа. Жаль только, что ее отравляют амальгамой и властью над собой подобными.

Коммунист.

Е. П. в.

Сегодня, при отправке письма с отказами от военной службы, мне пришлось встретиться на почте с коммунистом из одного ближайшего имения, который накануне

перед этим купил в нашем Обществе „Евангелие“ И. Н. Толстого. Мы с ним разговаривали, и он мне сказал, что соседние крестьяне на них очень злы и грозят слечь, что их немало тревожит, хотя они имеют право продать всех тех, на кого им доведется, самым строгим карам, по теперешнему времени, как контр-революционеров. Но все же его очень интересовало — почему крестьяне не хотят дать им жить спокойно?

— Здесь ответ простой, следует только беспристрастно подумать о том имении, которое вы заняли. Всем нам хочется сладкого куска, а их очень мало, таких сладких кусков; вот мы из-за этого сладкого куска и готовы перерезать друг другу горло, а в лучшей случае уничтожить этот сладкий кусок, рассуждая так: пусть будет ни мне, ни тебе. И вот, кажется, должны бы отнестись беспристрастно к вашему имению, потому что у нас все есть свое: и дом, и скот, и хлеб; и то, чего греха таить, имел думку, как бы в зале вашего дома устраивать собрания. А что имеет тот в мыслях, который зарился на лес в имении, а построит лату не в силах; или тот, который мечтал завести корову вторую, имея семь душ семейства и видя, как на его глазах люди на 31 думу получают 16 коров, полный наветарь и так далее... Вот здесь-то и разгорается зависть.

— Это так. Да отчего же и им не садиться в имения? А то вот некоторые деревни сами не сели на усадьбу помещика, а только лишь разграбили, — сказал коммунист.

— Да все это, брат, происходит от того же сладкого куска. Все оттого, что брюхо нас одолевало, а про дух мы забыли, что мы только кричим: братство, а сами смотрим, как бы вырвать себя, своим близким, жене, детям этот сладкий кусок. Мы делаем то же самое, что вот здесь, на горше хотели сделать молодые люди весной. Подобие живой беседы: нарубили елочек, натыкали их, и красиво на первый раз смотреть было, да только уж больно скоро увядать стали и илы осмылаться. Так и с этой вашей коммуной. Правда, это было бы хорошо, если бы фундамент был заложен новый, а то в основу кладете ту же вражду, насилие: если они нас „того“, то мы им покажем. А за этого и получается гражданская война, если перевести это простое отнимание сладкого куска на язык ученых: одни — контр-революционеры, — скажут в совете, — против коммуны идут. А мужики здесь будут толковать: какое это право, какие-то принципы, а сели здесь, как господа. И вот, все это оттого, что вету у нас любви, погасла она. Осталось подобие любви, подобие истины, потому что мы евангельские заповеди променяли на социальные бредни.

— Да, хорошо вы толкуете, а раньше разве могли бы вы так рассуждать? А теперь вот и вчера, как привез Евангелие Толстого, так мои товарищи заслушались, а раньше и с огнем его не достал бы. Я при старом режиме хотел у одного ослдата купить Евангелие Толстого, 20 рублей давал, а он и слушать не хотел.

— Да, друг, это правда, что трудно было услышать хорошее слово, да только лишь оттого, что мы сами-то слушать его не хотели. И не хотим, потому что оно обанкет нашую плохую жизнь. А только и есть одно средство освобождения себя и других людей: познать истину, и истина освободит нас.

Разговаривая, мы дошли до нашего дома. Он все время шел со мной рядом, ведя лошадь в руках, а когда мы стали прощаться, то он сказал, что будет стараться чаще бывать у нас, потому что чувствует, что к старой жизни нет возврата, хочется чего-то нового.

Е. П. в.

Обман нечестен.

2 окт. 1918 г.

В газете „Мир“ от 3 сентября мне пришлось прочесть статью священника Востокова, в которой он выступает против насилия, говоря, что оно противно духу учения Христа и ничем не может быть оправдано. Эта статья была особенно дорога для меня. Я увидел, что церковный обман, который оправдывал убийство во войне и смертную казнь, начинает исчезать. Сами церковники раскрывают его. Да иначе и быть не может. В самом деле, какой найдется теперь еще „Филарет“, который при империальном отделении церкви от государства, станет говорить, что убийство „не всегда законопреступно“, и что „убивать на войне и казнить преступника не есть грех“. Пора бы признаться и перестать, что она заблуждалась, и открыто заявить об этом. Радуюсь, что уже есть первые шаги к раскрытию многовекового обмана.

С. И. в.

О качественном и количественном.

В настоящее время всевозможных разрушений старого и устроенной и организованных форм жизни многие добросовестные люди пробовали отдаваться делу всей душой, без корысти и личных интересов, издевно. И несмотря на их высокую, безусловно добрую цель и на самопожертвование во имя идеи — у них все-таки ничего не выходило и время и труды их тратились попустому. Происходило это потому, что перед каждым из них стояли непосильные трудности в смысле количества работы; у них не хватало физической возможности справиться с таким большим по объему делом, за которое они брались.

Произошло то, против чего предостерегает нас пословица: за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь. А мы тогда все гадали, да и теперь еще продолжаем гадать: не за двумя, а чуть ли не за десятком зайцев. Присмотритесь к делу: куда девалась тщательность работы, свидетельствующая о внимательности и продуманности? Где выдержка и спокойствие, без которых немалыми ни одна серьезная и полезная работа? Все схематично, чернышью, беспорядочно; везде раздражение, лихорадочная спешка, и в результате — медленная, бесплодная и бесполезная слякоть. Возьмите весь деятельный политический работник за время революции и посмотрите на нее беспристрастно: она представляет из себя какое-то виланье, беспорядочную скачку на одной стороне и в другую. Ничего и говорить о последовательности, чтобы в их деятельности вытекало одно из другого и не меняло бы в корне сущность руководящих или начал. На другой же день или немного больше они или открещивались от того, что сделали, или искренно сожалели о том, что не сделали совершенно другого, противоположного первого, дела.

Вспоминаю статью „Неделание“ Льва Николаевича Толстого. Мне кажется, что „неделание“ в настоящее время могло бы послужить самым нужным и полезным делом для всех вышеупомянутых добросовестных людей, именно для выхода из того состояния суеты и неравновесия, в котором они теперь находятся. „Неделание“ в Толстовском смысле безусловно могло бы помочь им, во-первых, несколько успокоиться, а во-вторых, в спокойном состоянии лучше разобраться — что они сделали до настоящего времени и, главное, в том, что дальше нужно делать. А без такого разбора, хотим мы того или нет, мы будем жить и действовать по инерции и руководиться не лучшими побуждениями, а былыми, знаменными и во всяком случае неживыми. Возникает вопрос: нужна ли такая жизнь и работа? — Я, конечно, этого не знаю, одно только можно сказать наверное: такая жизнь и работа будут автоматичны, без вдохновения, а поэтому, вероятно, так же непрочны и безрезультатны, как воздушные шары, которые вскакивают на поверхности воды, и тут же донаются, не оставив после себя ни малейшего следа. И я боюсь, как бы наши поступки по простоте или короткого времени не вывалили у нас также сожаления, что были сделаны, и так же не стали бы безрезультатны, как эти мимолетные шары.

Я сказал „неделание“, а у самого сомневаюсь: ведь это реакция, упадок сил, опускание рук в то время, когда усиленно нужно работать, благодаря всему происходящей разрухе и неурядице!..

Но нет, это не опускание рук от безделья. В этом разборе — трезвое отношение к делу, к действительности; без него все рискует стать бесплодным и неужимым и, несомненно, поведет к действительной реакции, от которой трудно будет очнуться. Мы мечемся, как белка в колесе, и думаем, что если оставимся, то от этого произойдет что-то ужасное, а в действительности это будет самый естественный поступок — оставимся и оглядимся вокруг себя, когда закутались. Из этого произойдет только то, что мы лучше увидим, что нам делать дальше, и только увидев это, мы более твердо и спокойно пойдем по тому пути, который нам откроется в нашей совести и разуму во время нашего спокойного разбора своей деятельности и поступков.

Именно в это время, когда особенно нужно дорожить всякой полезной и добросовестной работой, необходимо особенно осторожно и вдумчиво относиться к тому, что делать приходится. Ведь все зло мира, а также и наше происходит не от количества, а от качества работы и деятельности людей. Если мы всецело и целиком сделаем благодаря тому, что оставимся и будем разбираться в том, что более всего и дольше время нужно, то несомненно, в качестве наша работа от этого только выиграет. А качество работы — это все, это самое нужное и важное, без чего может возникнуть работа и огромное количество работ. А так как всякая деятельность людей должна быть драгоценнейшей новостью для них, то все-

ходимо привносить во всей нашей жизни и деятельности то единственное средство, которое одно способствует этому — это завет великого человека, поборовшего в себе все личное, временное и эгоистичное людей служить только Общему, Великому, и не безысходно останавливаясь, чтобы лучше разобраться в своих поступках, — это завет Льва Толстого.

Товарищ.

Из Тульской губ.

28 октября 1918 г.

У нас в С. издав приказ, чтобы все граждане без исключения, от 18 до 40 лет, шли бы на так назыв. Семеновскую для обучения всем солдатским артикулам: шитья, приделывания из ружья и т. п. Занятия эти продолжались по два часа в день. Масса рабочих и фабричных протестуют и не идут на эти упражнения. Здесь начинают развиваться и так наз. испанская болезнь. Она уже не мало увезла в вечность молодых людей. В селе Дяжице местный священник устроил молебствие против этой болезни и сказал слово о том, что все несчастия настоящего момента и болезни испанская есть послание Бога за грехи людские. Мужики и бабы там говорят, что икона Божьей Матери, которой они служат молебны, имеет теперь „сумрачный лик“, что дарика небесная гневается за плохую жизнь нашу, и потому лик иконы изменился. И северный народ верит этому. Как бы было хорошо, если бы наше Моск. Общество Истинной Свободы послало в эту деревню кого-нибудь из наших друзей ораторов, как это было в Серпухове, для распространения истинных евангельских законов и учения Христа, для раздачи журнала „Единение и Голос Толстого“.

П.я.

19 декабря 1918 г. Калуга.

... Теперь расскажу про Жиндру.

На курсах всего прочел 22 часа, курсистами я остался доволен, и они мною также. Кроме лекций были у нас беседы по вечерам на разные темы с группой прехаживших из деревни. На последнем таком вечере и вел беседу на тему: „Реалия и в чем ее сущность“ и „Что такое Бог? Присидели до часу ночи. Много говорили, очень всем понравилась, читал на „Евангелия“ Толстого. Оказалось — ни одного православного, и все единогласно признали, что без веры в Бога нельзя жить, много спрашивали о Толстом, и почти все ему сочувствовали.

Д. Ч.

Из Тульской губ., январь 1919 г.

В настоящем письме сердечно выражаю Вам свою прошлую духовную убежденность и поминаю о Боге — всемогущем, карающем и вознаграждающем, и настоящие духовные убеждения и понимания о Боге — Духе любви и добра. Я братски прошу Вас принять и уведомить меня о Вашем мнении о мне, чтобы иметь связь — и жить живую нить из одного источника, который Христос с избытком дал своим ученикам. Но внутренне с детства я любил христианство, т. е. то христианство, в котором я воспитывался, проповедуемое православной церковью, со всеми ее обрядами и законами, и считал это христианство истинной и законом ее непогрешимыми. Я понимал тогда, что Богу угодны лишь многочисленные молитвы, земные поклоны, коленопреклонение в церковь на исповедь, лобзания икон и многие другие обряды, установленные отцами церкви. И не мог заснуть спокойно, вспоминая об обиды братьям моим ближним, которые я, может, нанес им за день, а вспоминая, что мало поклонов дал. Так я был убежден до фанатизма. Я считал, по учению церкви, войну как благословенную Христом, и пошел, как слуг Христовых, „Христовыя воиство“. Я верил, что кто погубит жизнь свою на войне, тот приобретет ее в Царстве Бога, которое я представлял там, где-то в иных мирах. И когда в войну в 15-м году, перед наступлением на немцев, отец православной церкви увещавал постоять за веру Христову, говорил: Не бойтесь убивающих тело, душу не могут убить, а бойтесь того, кто душу и тело погубит, я верил и первоначальные слова этого стиха, но не мог понять последние, — что этим самым губя тело и душу. Когда же мы вторглись в пределы Восточной Пруссии, увещавая картину ада представлялась предо мною, построил все замчалось, зители бежали, а оставшиеся с ужасом смотрели на окрестивших людей. И ужас их усиливался потому, что они не нашли, смотря на наши лица, в нас жалости к нам. Эта картина сильно повлияла на мое нравственность, и я более

душою тогда, размышляя: „Научали Христа благословил это ужасное дело или? Не дал себе ответа на этот вопрос, и веры усомнился в непогрешимости православной церкви, „веры Христовой“, как сказал отец церкви. В таком положении я был до революции, с наступлением которой и искал разрешения. Как быстро партия, считая их ступенью Учения Христа. Как быстро некра загоралась, так же быстро погасала в них. Жажды своей и не утоляя. В начале 18-го года я был как бы в висельном положении, часто уходя эти сомнения в правдивости церковного учения с братом Павлом, и по предложению его я стал читать произведение Л. Н. Толстого; в первом случае учение Христа, затем Византизм в его наложении и другие религиозно-правовые произведения. И к великой своей радости, истину в Учении Христа я увидел светом пролитым Л. Н., и этот свет озарил мою душу, и я, увидя при свете темные предубеждения прошлого поклонения, исполнения обрядов и служения мертвому Богу, и непреклонно стал на путь служения живому Богу, любовью и добром осуществляя на близких. И в этом состоит и закон и пророки. Помня, что сын Бога Духа живет в каждом человеке, и что любовью Бога Он дал людям. А потому цель жизни человека возвыситься в себе любовь. Жить любовью — значит жить светом, жить светом — значит Бога и быть в общении с Ним.

Ведь, что покаял и мог выразить простым наученным языком по воле сердца, и выражал и прошу Вас ободрите меня, дабы не впасть в соблавы в моменты искушения духа плотью.

Вратски приветствующий Вас Михаил Винов.

Из Смоленской губернии. 12 января 1919 года.

Живя в деревне, мне пришлось проследить, как церковь православная быстро умирала в народе, и потом, как она вдруг стала возрождаться.

Вскоре после революции с кем бы на крестьян, бывало, ни заговаривать: „Ну, что, мол, как ты смотришь на церковь?“ — „Да что говорить — теперь уже, кажется, каждому стало ясно, что все эти моления за христоволюбивое воинство, все обряды, песнопения, — пустота, обман“. Так рассуждали многие, и особенно бывшая в солдатах молодежь. Никогда и не забуду беседу со стариком лет 80-ти, гончаром, у которого пришлось покупать горшки. Мы разговаривали про религию, и он сказал: „Да, я слышал, что у Вас есть книги Толстого, которые объясняют учение Христа, это очень хорошо, я вот сам люблю читать святое писание, между прочим прочел и Библию, и житие святых, и из всего этого сделал один вывод, что Бог и нас, и что есть один закон: все, что желаете, чтобы делали для нас люди, то делайте им. А ввиду того, что люди не исполняют этой заповеди, то и жизнь их стала адом“. — „Да, это вы говорите правильно; но скажите, а как вы смотрите на церковь?“ спросил я его. — „Церковь, как она есть сейчас, это прямо веревка“. — „А почему же Вы тогда ходите в нее?“ — „Да видите, привычка, и больше ничего. Пошел в церковь, думаешь помолиться, а приходишь туда, так прямо, кажется, ушел бы отсюда, зная, что все это не надо Богу, что ему нужны лишь добрые дела“.

Так рассуждал этот 80-тилетний старик. И радовалось сердце, что русский народ сам собою вот-вот выйдет из грубого религиозного суеверия и найдет свою разумную веру. И я глубоко убежден, что он и вышел бы уже из старого обмана и нашел бы ту веру, которую ему подсказывает его разум.

Но, к великому огорчению, являются люди, которые своими мерами грубого насилия только удерживают этот народный идеал с глиняными ногами от полного падения. Все приращенная церковь настоящим правительством есть не что иное, как восстановление православия, а в особенности, казни жрецов церкви. Так, например, у нас в Смоленской губ., в Пореческом уезде, после расстрела некоторых священников народ стал смотреть на священников, как на мучеников. Где ни поспеешь, везде говорят: „Ну, отобрали землю и имущество у попов, пусть так, но зачем же стрелять?“ Да и сами товстели только до тех пор гонители, пока у власти, а как сходят у них начальнический пыл, одурманивший их, так они сейчас же превращаются в православных и даже исполняющих обряды, что доказывает все-таки требование души той вли в иной религии, которое сильнее всех социальных теорий.

Наилучшим подтверждением этого может служить случай, который был у нас в Липицкой волости. Председатель волостного комитета был ревностным проводником в жизнь той вражды, которую столь усердно сует предрасположенная власть по отношению и буржуаз, и рабочим, и крестьянам. Но стоило ему только выйти из состава правительства, как он опять стал ревностным приверженцем, но уже не за власть, а

за церковь. Но самое яркое доказательство установления православия большевистским управлением, это на Рождество было видно, когда посещение церкви вместо того, чтобы сократиться, как следовало ожидать, вышло наоборот: от многих бывших в этот праздник в церкви пришлось слышать, что число посетителей значительно увеличилось.

И думается мне, что то, что было в нашей деревне, должно было быть и в других местах.

А это очень печально, что народ ищет слова и старым богам вместо того, чтобы искать новых, более разумных основ религии.

И да послужит это уроком тем, которые думают, что убеждение или веру можно искоренять или высаживать насильем. Пора бы бросить повадку старого царского правительства.

Е. Пырьков.

Из записной книжки.

28 окт. 1918 г.

Для людей свободно-христианского познания, один из главных соблазнов таких периодов познательских катаклизмов и общественного возбуждения, как тот, который мы теперь переживаем, — состоит в опасности незаметно для самих себя быть смятенными общим течением с „духовной“ точки зрения на плашую, менее чистую, менее проникновенную плоскость сознания.

Вся сила тех людей, перед которыми раскрылось духовное жизнепонимание, все их значение среди остального человечества заключается именно в том, что, рассматривая явления жизни с более широкой точки зрения и проникая глубже в сущность вещей, они бывают в состоянии замечать и понимать то, что ускользает от более ограниченного и поверхностного взгляда людей мирского жизнепонимания. Но для того, чтобы не лишиться этой своей способности замечать уклонения от верной оценки того, что происходит в человеческой жизни, необходимо, чтобы люди, достигшие духовного разумения, тщательно и твердо оберегали свое сознание от того, чтобы оно не соскользнуло на более низкие уровни мышления. Доброжелательная склонность видеть единение там, где, на самом деле, имеется только видимость согласия, в конце концов ни к чему хорошему не приводит. Напротив того, когда человек, хотя и по самым прекрасным побуждениям, позволяет смятуть себя с высшей достигнутой ему точки зрения — ради предполагаемого большего взаимного согласия со стороны человека, стоящего на более низком уровне сознания, то этим не только не достигается желательного единения, но и теряется возможность того общения в более высокой области познания, которое могло бы помочь человеку нашего сознания заметить ограниченность своего кругозора. „Вы соль земли. Если же соль потеряет свою силу, то чем сделается ее солоник?“

Таков отношение к своему сознанию он должен пронести и к самому себе, ибо речь идет не о достоинстве самого человека, но о том свете, который исходит из высшего Источника жизни и может проходить в большей или меньшей степени через каждую данную минуту желаем и способен служить проводником света.

В. Ч.

ХРОНИКА.

„Культурно-просветительный кружок“ в деревне.

В то время, как кругом раздается стонанье на отступившем порядке, по которому „истосковалась душа“, и ожидая прибытия какой-то высшей помощи, „без которой самим нам не справиться“, мой инна друг из ближайшего села, Ваня Ф. вместе с учителем успел организовать кружок молодых людей для самообразования и саморазвития. Еще прошлой весной, когда мы вместе с Ваней сходились познакомиться вечером, после полевых работ, он говорил мне: „Вот хорошо бы, Семен Давидович, организовать в кружок для просветительной цели, а то побывавши на сельском собрании, просто волос дыбом становился, что там творится! Чем только не набиты головы! Ни одной-то своей, предуманной, вымышленной мысли! А если кто попробует свое суждение высказывать, сейчас же окричат: „саботажник!“ И однажды спросил: „А видели ли, товарищ, развешены мне, что означают

ет слово „саботаж“? Так мне никто и не ответил. Очевидно, и не могла ответить, потому что никто не знал.

Я связал Ваву литературой по интересовавшим его вопросам. Он живо отзывался на чтение и в особым интересом отзывался на писания Толстого, в особенности в том его произведении, в которых так пророчески начертил великий гений переживаемую нами время с указанием, какими путем мы можем исправить свои ошибки. Побывав на войне и зачастую добровольно, он вынес самое глубокое разочарование в ее величии и, когда вернулся домой с контузией и отравленной Гурьевым краской, стал сильно задумываться над тем, что повлекло его совершить подвиг. На эту тему мы с ним неоднократно беседовали. Между прочим он мне признался, что, когда и как-то в разговоре знал его за лодку и сказал, что ведь не в вымышленного же врага Вы стреляли, а просто в человека, такого же человека, как мы с Вами, с теми же самыми правами на жизнь,— что этого совершенно достаточно было, чтобы с глаз его спала как-то заслонявшая их пелена, и что он ясно увидел все не только незрелую войну, но весь ужас ее, ужас в том, что она есть сплошное убийство человеком человека. Это заставило его также прочитать книжки о войне и причинах ее возникновения. Результат получил самый благоприятный. Ваву сознавал, что он более никогда уже никакого участия в войне не примет. Идя далее по пути освобождения своего сознания от разных предрассудков, он познал вся благость открывавшейся ему новой жизни и не гадывался поддаться своим мыслям с людьми, давно, как и он, искавшими лучшей жизни. „Вот только времени нет приступить за это,“ говорил он мне тогда же, еще весной: „придется отложить до зимы“. Так и вышло. Выполнил свой, вынужденный земные дела, установился самовольно, и мой Ваву, где по железной дороге, где с обратным походом, а где и просто пешком, пошел по делам организуемого им кружка. В местном молодом энергичном учителе Ваву встретил самую отзывчивую поддержку. Имея большое знакомство среди местной уездной интеллигенции, учитель много помог тому, чтобы намеченный кружок был зарегистрирован и получил право на скорое открытие. По отношению к Ваве надо добавить, что он живет в семье строго деловых родителей и поэтому, чтобы не нарушать существующих отношений, которыми он так заботливо дорожит, он должен в первую голову выполнять лежачие на нем хозяйственные обязанности и только досуг свой отдавать любимому делу. Это часто мешает его не дослать, почти или не закупить вовремя, но он с этим не считался.

Приходит он ко мне однажды весь сияющий и объявляет, что „Культурно-просветительный Кружок“ открыт, что в него уже записалось до 120 членом-учредителей, и что на членских взносах собралась солидная сумма до 3000 руб., так что возможно немедленно приступить к оборудованию библиотеки, аудитории для преподаваемых лекций, собеседований и спелем для постановки спектаклей. Передал мне просьбу „кружка“, чтобы я принял на себя заведывание его литературным отделом, и сообщила, что мой сын студент уже работает в кружке в отделе „взращивания искусства“, что она и малявица ставят пьесу Самойлова „Перевесные герои“, и что едитка и раздача роли уже состоялась, а учителя почтал в город, чтобы обзавестись в „инструкторском отделе“ и „отделе внешкольного образования“ за материалом для предстоящих клубных чтений.

Признаться, как ни был я уверен в успеха начатого дела, но я был вполне сознательно поражен таким быстрым его осуществлением. Мой сын каждый день посещает „кружок“, где с большим увлечением принялся за оборудование сценки и декораций для нее, взял на себя и режиссерскую часть по постановке пьесы.

Сегодня он делится со мной своими впечатлениями: „Ты не можешь себе представить, Ваву,— говорит он мне,— как развилась деревенская молодежь, как она смело держит себя на заседаниях собраний, а бы освещала тебе побывать самому, чтобы лично убедиться в благотворной почве для предстоящих наших работ“.

В ближайшем воскресенье я отправился на общее собрание. По дороге зашел к Ваве, которую встретил собравшимися эти люди на собрание со своими товарищами одноклассниками. Ваву меня познакомил с ними, и мы вместе вышли на дождь. Дорогой, разговаривая с одним из этих молодых людей, я узнал, что он пролежал зиму в Москве и довольно часто побывал в библиотеке, которые устраивались в помещиках Ветеринарной Станции в Галицком уезде. Это были интереснейшие собрания И. Г. Чернышев, М. П. Гурьевича-Полякова, Ф. А. Стрелова и других выступавших там докладчиков. Без дару этот молодой человек, по профессии журналист, говорил со мной о предстоящей постановке

выраждавшегося кружка, в организовании которого, как видно, он принимал самое горячее участие; выложил меня с уверенностью на это начинание не только молодежи, но и многих пожилых, опытных местных граждан. Интересно было узнать, какую цель преследует в Москве новое Общество— „Истинной Свободы в память И. И. Толстого“, и в чем выражается его деятельность. Рассказывал о брате И. И. Колосове и его тиражируя и вообще провала близкую деятельность своего ума в области духовных вопросов. В помещиках училища, где должно было состоять открытие собрания, мы застаем уже очень много прибывших членом-учредителей своего пола.

Немедленно был избран председателем собрания—местный учитель и секретарем—мой друг Ваву. Были сделаны докладчики по некоторым организационным работам, касавшиеся обсуждения с большой деятельностью и серьезностью. Разоблаченная часть закончилась в протест. Затем было избрано Правление, в состав которого вошли: председателем—местный учитель, товарищем его—отсутствовавший молодой человек, по отъезду моего друга с очень развитым интеллектом, являющимся—мой друг Ваву и секретарем—мой студент-парикмахер. Затем были выбраны еще три члена с жалованьями и им. Я и сын мой были также избраны членами с поручением мне литературного отдела, а сыну—заведывания Отделом научных искусств. После подписания протокола я, дирекция благодарности собрания и готовности мое работать в кружке, пошел домой, а молодежь осталась закончить вечер танцами. Был весьма, слегка морозный вечер. Дышалось легко, и на душе было хорошо от всего, только что пережитого.

В ближайшем после этого воскресенье было опять созвано общее собрание, на котором были допущены местные граждане для ознакомления с начинающейся деятельностью кружка. По просьбе собрания я обратился к ним в выступлении своим словом, в котором старался возможно исчерпывающе разъяснить значение и цель нарождающегося кружка и средства для его осуществления.

На лицах всех присутствующих я читал самое серьезное внимание, а если кто-либо попутно хотел возмутиться с соседом впечатлением, он немедленно вызывал протест, и по этому раздавался вопль: „Товарищи, тише! Не мешайте слушать“.

Слово свое я закончил просьбой обратиться ко мне с вопросами, если мне не удалось ясно выразить свои мысли, по каким-либо последовало, а была выражена благодарность и пожелание скорее приступить к намеченным чтениям.

Галицкий губ. Февраль 1910 г.

С. Д.

Резолюция анархистов.

по текущему моменту, предложенная на 7-м Уездном Крестьянском Самбирском съезде Советов и Уездном исполнительном.

Полтора года революции не только не способствовали марксовской человечности, а напротив, только усилили насилие, еще более принизили человека до уровня зверя. Более, чем когда-либо, „человек человеку волк стал“.

Та братская кровь, которая была пролита впервые в этом месяце 1914 года, в настоящее время проливается с еще большим остротением, и в ее потоках все более и более густеет когда-то светлый и прекрасный фог революции, на наших глазах превращаясь в безобразное, промозглое и вонючее чудовище, в жертву которому ежедневно, ежедневно и ежедневно приносятся тысячи человеческих жизней.

Ужасная, бесчеловечная бойня, начавшая 4 года тому назад, до сих пор не прекращается, в том же, как и тогда, совершение войны и руководители считают увидеть немцы и справедливости и логической неизбежности всего происходящего. Но тишай все на попытки. Уставшее человечество все более и более теряет веру в справедливость происходящей революции, потому чувствуя нем ложности и неурядицы избранного пути власти.

И вот мы утверждаем, что единственным выходом из создавшегося тупика является прекращение насильственного образа действий.

Надеемся думать, что до тех пор, пока человечество не перестанет насильничать, пока оно не переменило нравственно, возможны какие-либо существенные изменения в международной среде, улучшение в нашей жизни.

Мы призываем человечество снять лапачи с глаз и везду, глаза видеть какими существами, отбросить от себя хоть на минуту всякие авторитеты и хоть раз что-то выслушать в глазах оравшей действительности, хоть раз спросить себя: „Ну, где мы идем, что делаем и для чего?“

И искренний страх из нас эту оборону может быть одолеть, который ужалки побуждали наши мудрецы и ученые

жизни: Христос, Будда, Толстой, Конфуций, Сократ и другие. Ответ этот ясен и прост, и всему происходящему теперь, всей этой дикой, кровавой вакханалией, этой политической чехарде выносит он одно лишь осуждение.

Ответ этот гласит, что „поднявший меч от меча погибнет“, и в нем звучит грозное для нас предостережение; ответ этот призывает нас более всего остерегаться быть рабами человека, призывает нас к свободной и разумной жизни, основанной на любви к ближнему, не допускающей никакой даже мысли о насилии, о власти человека над человеком.

Поэтому мы заявляем, что для улучшения жизни нашей необходимо:

1) Прекратить борьбу со злом путем насилия, ибо вся человеческая история показывает бесплодность такой борьбы, и набрать путь непротивления злу.

2) Отказаться от всякого участия во власти путем посылки туда своих представителей, ибо всякая власть есть уже насилие.

3) Для коренного переустройства жизни на новых, высших началах любви и справедливости приступить к соединению между собой в общества добровольных земледельческих коммун и перенести центр тяжести всей работы и область духовного и морального развития.

Только таким путем, отказавшись от участия в насилии, начав переустройство жизни с самих себя, а не с других людей, придет мы наконец к тому светлому царству свободы, равенства и братства, о котором так давно мечтает уставшее, изломанное жизнью человечество и к которому так жадно стремиться.

Долой насилие человека над человеком!

Да здравствует свободная трудовая жизнь, да здравствует единая братская семья всех народов!

2 декабря 1918 г.

Репин жив.

В № 4 (1918 г.) нашего журнала, помещая рисунок И. Е. Репина „Страдания Христа“, мы упомянули о распространявшемся в то время слухе о смерти этого великого художника. В настоящее время мы с глубочайшей радостью можем сообщить, что известие оказалось ложным. На этих днях от хорошо осведомленного лица мы узнали, что Илья Ефимович жив и здоров и находится в Филях, на своей даче в Куоккала.

Вряд ли эти строки дойдут до него; но нам так хотелось бы сказать ему, что все мы, его друзья, равно как и все чтящие его дарование русские люди, ждем его возвращения в Россию и надеемся, что доживем еще до того времени, когда, поселившись среди нас, он в своем творчестве будет, со свойственной его дивному таланту чуткостью и отзывчивостью, вновь откликаться на переживания и духовные запросы нашего русского народа.

В. и А. Чертковы.

Толстой и вотяки.

(Из г. Глазова, Вятской губ.)

Недавно впервые появился перевод Толстого на вотяцкий язык. Драматическому кружку в селе Ягошуре, Глазовского уезда, Вятской губ., пришла мысль поставить на вотяцком языке драму „От ней все качества“. Нашелся переводчик, и вот в начале августа текущего года вотяцкое население впервые могло услышать игру любителей-артистов на вотяцком языке. Эти любители были сами вотяками, и потому в смысле правильности произношения их игра не оставляла желать лучшего. Исполнение оказалось также удовлетворительным. Народу было блгком. Надо сказать, что драматический кружок в с. Ягошуре остановился на данной пьесе не только как на художественной, но и определенно идейной, изображающей в ярких красках одно из главных зол русского народа: пьянство, — зло, присущее и вотякам не в меньшей степени, но даже и больше.

Нельзя не приветствовать попытку такой идейной борьбы с пьянством и кумышкварением среди вотяков. Зао это — кумышкварение — особенно укоренилось у них. Кумышкварение национальный напиток у вотяков. Приготавливается он из хлеба (ржи) на особых аппаратах. По крепости своей он не уступает водке, а по одурманивающему действию даже превосходит ее, вследствие плохой очистки. В XVIII и XIX века, до введения винной монополии, вотяки пользовались особой, привилегией гнать кумышку. Нововведенной винной монополии, привилегия перешла на „монополисту“, и во всех деревнях появились шинкари, занимающиеся продажей водки. Впрочем, кумышкварение прекратилось не везде. За время войны и прекращения казенной продажи водки, оно возобновилось, и

в 1917 году достигло угрожающих размеров. Почти в каждой деревне было одно или несколько лиц, сделавших себе на кумышкварение выгодный промысел. Свобода в 1917 году была понята и как полная свобода „гнать кумышку“. Запретительные и карательные меры со стороны власти почти не имели успеха. И только летом 1918 года строгие меры: конфискации аппаратов для приготовления кумышки, посланка особых отрядов для этого, штрафы, сажание в тюрьму, реквизиция хлеба значительно сократили кумышкварение. Но эти насильственные меры только наружно уменьшили зло, радикальные меры, как-то: просвещение населения, доставление ему культурных развлечений, не ставили себе задачей борьбу с кумышкварением. Постановка этой задачи в числе других задач культурно-просветительных организаций уезда является необходимой. И надо сказать, что деревенская публичка, присутствовавшая на спектакле „От ней все качества“, вполне повяла идею пьесы. „Мы это (пьянство и зло от него) видим у себя постоянно, — говорили мужики, — нам и дома надоело смотреть такие вещи“. Вследствие этого, они даже просили больше не ставить подобных пьес. Очевидно, художественность пьесы сделала в ней все понятным, а ее определенная идея — пагубность пьянства — служила многим зрителям живым укором. Деревенская публичка ждала от спектакля пессимистического развлеченья, ждала изображения какой-то новой жизни. Понятно ее разочарование, когда она увидела знакомые вещи, да еще в яркой форме. Нельзя здесь винить только некультурность и дикость вотяков. Нужна долгая, постоянная культурно-просветительная работа среди вотяцкого населения. И очень важно было бы осуществить в ближайшем будущем перевод на вотяцкий язык самых общедоступных статей Л. Н. Толстого по религиозным и общественным вопросам и его народных рассказов. Можно надеяться, что культурно-просветительные местные организации примут меры для перевода, печатания и распространения писаний Л. Н. Толстого. Жизнепонимание Толстого должно быть усвоено и некультурным народческим населением, и тогда сами собою исчезнут многие дикие и нежелательные явления в жизни вотяков, явления, происходящие от темноты и невежества, и злоупотребления этим со стороны многих лиц (кулаков, партийных нечестных людей и т. п.). Тогда вместе с нравственным воздействием мыслей и чувств Л. Н. Толстого и общее просвещение будет легче усваиваться и применяться в жизни населения.

Мирский.

Голос Пророка.

Из Книги Пророка Исаии.

Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, руками сделайте в степи стези Богу нашему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понижается, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими; и явится слава Господня и узрит всякая плоть спасение Волею.

Гл. XI, 3—8.

„Почему мы постымся, а Ты не видишь? смиряем души свои, а Ты не знаешь?“ — Вот, в день поста нашего вы исполните волю нашу и требуете тяжелых трудов от других. Вот, вы постытесь для себя и распрядь для того, чтобы дерзкою рукою бить других; вы не постытесь в это время так, чтобы голое ваше тело было услышано на высоте. Таков ли тот пост, который Я избрал, — день, в который томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник, и подстилает под себя рубище и пепел? Это ли назовешь постом и днем, угодишь Господу? Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и ситавищих бедных введи в дом; когда увидишь нагого, — одень его, и от одиночного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и непеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет перед тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь — и Господь услышит; воззовешь, и Он скажет: „Вот Я!“ Когда ты уличишь из среды твоей ярмо, переставишь поднимать перет и говорить оскорбительное, и отдашь голодающему душу твою, и насытаешь душу страдальца; тогда свет твой взойдет во тьму, и мрак твой будет как полдень.

Гл. LVIII, 3—10.

Перекуют мечи свои на орала, и копья свои — на серпы; не поднимет народ на народ меч, и не будут более учиться воевать.

Гл. II, 4.

Волк и ягненок будут пастись вместе, и лев, как волк, будет есть солому; а для змея прах будет пищей: они не будут причинять зла и вреда.

Гл. LXV, 25.

Не будут трудиться напрасно и рождать детей на горе; ибо будут семенем, благословенным от Господа, и потомки их с ними.

Гл. LXV, 23.

Всякая плоть — трава, и вся красота ее, как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет, когда дует на него дуповенно Господа: так и народ — трава. Трава засыхает, цвет увядает, а слово Бога нашего пребудет вечно.

Гл. XI, 6—8.

Крепкий и сильный у Господа, как ливень с градом и губительный вихрь, как разлившиеся наводнение бурных вод, с силою повергает его на землю.

Гл. XXVIII, 2.

Падет величие человеческое, и высокое людское унижится; и один Господь будет высок в тот день.

Гл. II, 17.

Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце.

Гл. LXV, 17.

Стадо*).

Ныль непроглядная, — стадо большое
В город ведут со степей для убоя,
Сунься, толкайся, бодайся нелепо,
Свету кнута покоряйся слезно,
Прямо под нож мясника равнодушно
К бойне вонючей бежишь ты послушно.
Глуное стадо! С презрением, с тоскою,
С болью в груди и слезою за тобою...
«Что ж интересного в этом явлении?» —
Спросят, конечно, меня в изумлении, —
В чем вы тут видите грусти сюжет?
В городе станут дешевые котлеты,
Теплые шкуры пойдут на тулумы,
Жаль вам баранов?.. Пардон, это глуно!»
Нет-с, не баранов!.. А вот, к сожаленью,
Вечно мне в голову лезут сравненья...
Вовсе нехата!.. Но горе баранье
Самшу и в глушину и жалком блязня, —
Самшу и скорбную песню о страданиях...
Стада людского в тулумах бараньих.

А. Барынова.

Отказы от военной службы по религиозным убеждениям в Советской России.

Возникновение Об'единенного Совета Религиозных Общин и Групп.

Вопрос об отношении царского и, позднее, временного правительства к лицам, отказывавшимся в то время от военной службы по религиозным убеждениям, мы надеемся современным истеричивающе положить и осветить. На эту тему можно написать не один том, так много имеется интересного и ценного материала по этому вопросу. Сейчас же мы хотим только сообщить читателю о том, в каком положении находится и как разрешается этот вопрос в настоящее время в Советской России. При том мы в настоящей статье не будем касаться самого интересного — настроений и переживаний тех глубоко религиозных людей, которые отказываются участвовать в военном деле; сообщаем пока нечто формальное сведения — об отношении советского правительства к отказам по религиозным убеждениям и о том, как предполагается поступать с такими людьми.

* Стихотворение Анны Павловны Барковой (ум. в 1894 г.) по цензурным условиям исключено из ее «Сборника», печатавшегося в изд. «Посредника» в 1896 г.

Редакция.

До конца октября 1918 года положение лиц, отказывавшихся в пределах Советской России, было вовсе неопределенным. В октябре же Революционный Военный Совет Республики опубликовал особый приказ (№ 130 от 22 октября), стремившийся урегулировать вопрос о таких лицах разрешением назначать их, в случае признания их искренности, в санитарные части войск. В виду того, что такое решение вопроса об отказывающихся не было удовлетворительным, главное вследствие того, что им не разрешался вопрос о непримемлющих никакой военной службой, — московские религиозные общины и группы, по инициативе В. Г. Чертова, устроили совещание для обсуждения вопроса о том, что вытекает из только что изданного приказа, и как отнестись к нему.

После двух многолюдных собраний, религиозные общины и группы решили объединиться на почве защиты свободы совести и для этого приступили к созданию особого органа, который мог бы быть компетентен в суждении вопроса об отказывающихся от солдатчины и имел бы основание надеяться на доверие со стороны Советской власти.

При таких условиях создался Об'единенный Совет религиозных общин и групп. В состав этого Совета вошли представители шести общин и групп, всего в числе 14 человек (не считая кандидатов). От менонитов в Совет делегированы Г. Г. и П. Ф. Фрезе, от евангельских христиан — Долгополов и В. И. Чирков, от баптистов — П. В. Павлов и М. Д. Тимошенко, от адвентистов — И. А. Львов и В. М. Тешпов, от трезвенников — И. И. Колосков и А. П. Сергеев, от Общества Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого, — Н. Н. Гусев и К. С. Шохор — Троцкий и в качестве представителей интересов внеисповедных течений, К. Д. Платонова и В. Г. Чертов.

Первым шагом Об'единенного Совета религиозных общин и групп было обращение его к Советскому правительству с приводимым ниже заявлением. Подача этого заявления вызвала рассмотрение вопроса об отказывающихся в нескольких заседаниях Совета Народных комиссаров. Результатом этих заседаний явился декрет Совета Народных Комиссаров от 4 Января 1919 г., текст которого тоже печатается ниже.

В дополнение к декрету, редакция «Голоса Толстого и Единения» сообщает к сведению интересующихся адреса и состав президиума Об'единенного Совета религиозных общин и групп.

И. Ш.—Т.

В Совет Народных Комиссаров

Заявление.

Ознакомившись с Приказом Революционного Военного Совета Республики от 22-го октября 1918 г. (№ 130) об отношении к лицам, непримемлющим по своим религиозным убеждениям участия в военной службе, Об'единенный Совет Религиозных Общин и Групп постановил обратиться к Вам с нижеследующим заявлением:

Имея в виду как интересы представленных в Совете религиозных течений, так и вообще отстаивание принципа свободы совести, Об'единенный Совет не может не усматривать в поименованном выше Приказе значительного стеснения свободы совести.

Так, в Приказе проводится обязательность санитарной службы для лиц, искренность убеждений которых будет доказана «пред соответствующим учреждением судебного следственного характера». Между тем, нам известно не один прошлый лет, что среди отказывавшихся от военной повинности встречается много таких лиц, которые в силу своих религиозных убеждений не могут принимать какого бы то ни было участия в военной службе, хотя бы и санитарной, так или иначе связанной с делом ведения войны; среди этой категории лиц имеется еще значительный процент таких, которые считают для себя недопустимым исполнять и какие-либо принудительные работы, имеющие целью заменить военскую повинность.

В виду того, что Приказ не предусматривает отмеченных нами категорий лиц, Об'единенный Совет Религиозных Общин и Групп предвидит, что это обстоятельство может вызвать при проведении Приказа в жизнь много конфликтов, и результате которых может быть создано никому не нужное мученичество стойко стоящих за свои убеждения религиозных людей. При царском режиме, как известно, сотни таких людей были брошены в каторжные тюрьмы и дисциплинарные батальоны, и десятки видели себе там последний приют. После же свершившегося падения царского строя великодушный народ открыл и для мучеников за совесть двери темниц, и временное правительство объявило для таких лиц амнистию и намеревалось наделить их законом, основанным на признании полной свободы совести.

Советская власть, проводя в жизнь полное отделение церкви от государства и считаясь в то же время с покровителями, членами религиозных взглядами отдельных лиц (как о том упоминается в Приказе), без сомнения, не пожелает выдвигать какие-либо обвинения или наказания на покровителей религиозных людей, отказывающихся от военного участия в делах, связанных с войной.

Введение этого, Объединенный Совет Религиозных Общин и Групп с своей стороны подает, что в категории лиц, отрицающих какую бы то ни было войну и по совести отказывающихся от военной службы, должен быть применен по всей полноте принцип абсолютной свободы совести в смысле полного их освобождения от противоречащего их совести участия в деле войны.

Полное освобождение от военной военной службы следует распространить и на тех упомянутых выше отказывавшихся, которые еще при царском режиме потерпели за это кары и большинство которых было амнистировано при Февральском перевороте. Советская власть, несомненно, не пожелает отнестись в этом разраду людей, свою жизнь столь наглядно доказавших свою самоотверженность, менее терпимо, нежели временное правительство.

Относительно упоминаемого в Приказе учреждения „судбно-следственного характера“, перед которым отказывающиеся должны будут доказывать искренность своих убеждений, Объединенный Совет подает, что именно он мог бы явиться учреждением наиболее осведомленным и компетентным в деле суждения об искренности таких лиц, именно Совету, организации связанному, чрею входящих в него представителей с главнейшими религиозными течениями, непримлемыми военного дела, могут быть доподлинно известны все необходимые данные для установления факта, что в каждом отдельном случае не имеет места недобросовестная, обманная ссылка на религиозные яко бы убеждения.

Объединенный Совет, организовав выражающий мнение большинства всецерковных религиозных течений, имеет сказать, что он готов также принять участие в организации „любимых Советов в некоторых провинциальных центрах, если это окажется необходимым.

Объединенный Совет Религиозных Общин и Групп подает, что настоящее его предложение может вполне удовлетворить как требованиям Правительства, так и интересам той веротерпимости, которую Правительство желает в данном случае обеспечить.

Председатель *В. Чертков*.
Члены (подпись).
Секретарь *В. Теллонов*.

Декрет

Совета Народных Комиссаров от 4 января 1919 г.
Об освобождении от военной повинности по религиозным убеждениям.

1. Лицам, не могущим по своим религиозным убеждениям принимать участие в военной службе, предоставлять право по решению Народного Суда заменить такую на определенный срок признаю его сверхштатной санитарной службой, преимущественно в зарплатных госпиталях, или иной соответствующей общесоюзной работой, по выбору самого призванного.

2. Народный Суд при постановлении своего решения о замене военной повинности другой гражданской обязанностью, запрашивает экспертизу Московского „Объединенного Совета Религиозных Общин и Групп“ по каждому отдельному делу. Экспертиза должна простирается как на то, что определенное религиозное убеждение исключает участие в военной службе, так и то, что данное лицо избегает военной и добросовестно.

3. В вида защиты „Объединенный Совет Религиозных Общин и Групп“ по единогласному своему решению, в праве возбуждать особые ходатайства перед Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о полном освобождении от военной службы, без всякой замены ее другой гражданской обязанностью, если может быть специально доказана недопустимость такой замены с точки зрения не только религиозного убеждения вообще, но и сектантской литературы, а равно в личной жизни соответствующего лица.

ПРИМЕЧАНИЕ: Возбуждение и ведение дела об освобождении определенного лица от военной службы предоставляется как самому призванному, так и Объединенному Совету Религиозных Общин и Групп, при

чем Совету предоставляется право ходатайствовать о рассмотрении дела в Московском Народном Суде.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Совета Народ. Комис. В. Ульянов (Ленин),
Народный Комиссар Юстиции Курочкин,
Управляющий делами Совета Нар. Ком. В. Бейч-Бруевич
Секретарь Я. Фотиева.

4 января 1919 г. Москва, Кремль.

Объединенный Совет Религиозн. Общин и Групп*).

Состав Президиума Совета:

Председатель—В. Г. Чертков.
Товарищ председателя—К. С. Шохор-Троцкий.
Товарищ председателя и канцелярии—И. В. Павлов.
Секретарь (с 10 февр. 1919)—В. А. Норина.

Адрес Объединенного Совета:

Канцелярия (временная)—Москва, Малая Лубянка, д. № 1
(Стр. о-ва „Россия“), помощники Идательства „Слово Истины“
(угол Лубянской площади).

Для писем—Москва, Почтовый ящик № 291.

Для телеграмм: Москва, Советск.

Об участии в „Объединенном Совете Религиозных Общин и Групп“.

Некоторые лица, сочувствующие тому или иному направлению, органу которого служит настоящее издание, узнавши, что его редактор согласился принимать участие в „Объединенном Совете Религиозных Общин и Групп“, находящемся в сношениях с Советской властью, заключают из этого, что я „допустил на службу к внешнему правительству, нарушил тем самым элементарные требования того мировоззрения, которое на словах исповедую. Так как в области общественной деятельности желательно, когда это возможно, своевременно устранять возникающие недоразумения, то, преодолевая на этот раз свое естественное желание печатно распространяться о самом себе, решаюсь сказать несколько слов о моем участии в этом деле.

Прежде всего считаю нужным отметить, что „Объединенный Совет Религиозных Общин и Групп“ является учреждением, образовавшимся совершенно самостоятельно и не находящимся ни в какой-либо прямой, ни косвенной зависимости от правительства. Роль Совета по отношению к правительству ограничивается посредническим между отказывавшимися от военной службы и Советской властью, проявляющим желание относиться к таким лицам терпимо и гуманно, равно как и заступничеством за лиц и учреждения, так или иначе потерпевших от нарушения принципа свободы совести. В виду безусловной разумности и правдивости возможности этой цели, лица, входящие в состав Объединенного Совета, не считая себя в праве уклоняться от этой, во многих отношениях обременительной для них обязанности, пока им возможно исполнять ее, не нарушая требований своей совести.

Здесь не место входить во все подробности и представляющие тонкости положения членов Объединенного Совета; могу только сказать за себя, что я вполне понимаю, насколько рискованным для человека, принципиально отрицающего государственную власть, — все же сноситься с ней, хотя бы для самой благой цели, ибо она легко может вознестись, а затем незаметно для него самого, в такие послуги и излодения, которые противоречат его убеждениям. Поэтому я живо ощущаю необходимость быть, в этом отношении, постоянно осторожным и продолжать свою деятельность в этой области лишь постольку, поскольку она действительно не затрагивает меня ни в какие компромиссы с моей совестью.

Насколько я знаю, так же относятся к этому вопросу и моих товарищей по Совету.

В. Чертков.

* От Редакции: Обращаем внимание всех сочувствующих деятельности „Объединенного Совета Религиозных Общин и Групп“, — на то, что учреждение это не является правительственным органом и, не пользуясь никакими субсидиями от правительства, — обладает очень скудными средствами, составляющимися только из случайных пожертвований и из скромных взносов входящих в его состав Групп, кельти сказать, не обладающих никакими капиталами. При чем члены Совета отдают этому делу свой труд безвозмездно. Желающие помочь этому делу (на канцелярию и почтовые расходы и проч.), могут направлять денежные взносы или прямо в Объединенный Совет по вышеуказанному адресу, или же через посредничество Редакции.